

Алиса Прич

НЕКУДА БЕЖАТЬ

Алиса Прим
Некуда бежать

«Accent Graphics communications»

2015

Прим А.

Некуда бежать / А. Прим — «Accent Graphics communications», 2015

В судьбе каждого мужчины однажды появляется Женщина. Существо с другой планеты... Эта книга, ярко и очень искренне рассказывающая о мыслях, переживаниях, чувствах, разочарованиях и надеждах героини, дает нам прекрасную возможность попытаться хоть чуть-чуть лучше понять Женщину... Или мудро признать тщетность таких попыток и просто любить это Самое Большое в Море Чудо, Самый Главный Подарок Бога!.. Андрей Дядюкин <http://www.stihi.ru/avtor/koterus> Представленная книга – попытка автора, рисуя буквами и создавая картины из слов, запечатлеть настроения и чувства, поймать мгновения и уместить их в предложения и фразы. Весь текст – видение мира, жизни, любви – построен на противоречиях, и в итоге автор делает неожиданный вывод, вступающий в противоречие с самим названием, – ВЫХОД ЕСТЬ. ВСЕГДА.

© Прим А., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

2007. Осень – начало зимы	7
2008. Зима	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алиса Прим

Некуда бежать

От автора

Спасибо моему мужу, Дмитрию, за его любовь и за то, что все годы нашей совместной жизни с пониманием относился к моему увлечению художественным сочинительством.

Спасибо Надежде, моей давней коллеге по работе, за то, что нашла время подправить некоторые ошибки по тексту.

Спасибо Вере, подруге моего детства, за её идею для обложки этой книги и её замечательное исполнение.

Спасибо Андрею, моему любимому «стихирному» поэту, за то, что помог мне поверить в себя.

Спасибо Татьяне, с которой можно поделиться ВСЕМ.

Спасибо всем моим родным, близким, друзьям, знакомым и всем людям, которые, побывав в моей жизни, оставили мне любовь, надежду и веру...

...эмоции и впечатления, которые и легли в основу этой книги.

Рекомендация

Роман Алисы Прим «Некуда бежать» – сильная, современная, своевременная книга. Она читается легко, держит читательское внимание до конца. И, что важно, хочется, закрыв книгу, снова вернуться к прочитанным страницам.

Хороший язык, интересные характеры персонажей. Автор сливается с героиней, и это дает достоверность повествованию. Талантливое отношение к жизни и к людям.

Рекомендую роман «Некуда бежать» на премию «Дебют».

Лариса Васильева,

поэт, прозаик, автор ряда мировых бестселлеров,
лауреат отечественных и международных премий
(последняя от 18.06.2014 г. – международная премия
«Этна – Таормина» им. Анны Ахматовой)

13. 8. 2014г.

2007. Осень – начало зимы

Мир существует в двух состояниях: когда идет дождь и когда нет¹.

Темное полотно дороги уходило вдаль, серое небо сливалось с угрюмым асфальтом, и только фары машин маячили, словно светлячки, в сгущающемся сумраке. Несколько капель дождя скользнуло по лобовому стеклу и растворилось в полутьме. Где-то вдали послышался раскат грома.

Я изо всех сил старалась сосредоточиться на дороге – не получалось. Я время от времени замечала, что машина неуверенно сваливается то вправо, то влево, отпугивая соседних водителей, но исправить ситуацию не удавалось. Вывод был очевиден – я устала. Очень устала. Больше не было сил идти вперед, – оставалось только тосковать по уходящей молодости и плестись по жизни дорогой несбывшихся надежд...

Дождь уже хлестал по стеклу непослушными струями, дворники стремились смыть потоки воды, а машины, не сговариваясь, притормозили.

Я выключила радио. Моя старенькая, потертая «Альмерка» медленно плыла по МКАДу под звуки дождя. Я вцепилась в руль, стараясь придерживаться своей полосы и не кочевать из ряда в ряд.

Мимо браво промчал «Туарег», позабыв, видимо, о существовании правил дорожного движения и педали тормоза. «Кочевник пустынь, – подумала я. – На такой же машине ездит мой муж. Боже, как ему подходит это определение! С таким характером ему бы жить где-нибудь в Африке и помыкать верблюдами и покорными женами». А я устала, действительно устала. Сыта по горло!

Ему не понять, что хоть он зарабатывает не в пример больше меня, я от своей работы и каждодневных забот о ребенке устаю не меньше! Мне тоже нужно сочувствие и понимание, мне элементарно нужна возможность отдохнуть!

Мне двадцать шесть – но каждое утро я поднимаюсь с постели, едва справляясь со слабостью и приступами тошноты, а, ложась спать, вступаю в неравную борьбу бессонницей и головной болью... Давление временами зашкаливает и сердцу уже поставлен диагноз – пролапс митрального клапана.

При всем при этом пока я выгляжу как ребенок. Но еще пара лет – и я превращусь в унылое и безразличное ко всему существо – в лучшем случае; в худшем – стану буйной сумасшедшей, ведь вся моя жизнь замерла, превратилась в череду рутинных и выматывающих дел, которые некому передать, про которые невозможно забыть и от которых некуда бежать.

Шесть ноль-ноль – подъем, завтрак на скорую руку, разбудить маленькое солнышко, которое ни за что не хочет просыпаться, дорога по пробкам до садика – за сорок минут, если повезет – за тридцать пять, работа заместителем начальника отдела в территориальной налоговой инспекции со всеми вытекающими из данной должности обязанностями и проблемами, без обеда – потому что в пять вечера нужно сбегать, чтобы вовремя забрать дочку из сада, путь домой со скоростью десять километров в час, под аккомпанемент из воплей уставшего за день ребенка, и ужин – обязательный атрибут всей каждодневной суматохи, заключительный аккорд дня – ругань мужа, возвращающегося с работы ближе к ночи, когда детеныша пора укладывать спать, ругань, переходящая в крик и уже переходящая все границы.

---

¹ Харуки Мураками «Хроники заводной птицы».

...Машина передо мной резко затормозила, я со всей силы вдавила в пол педаль тормоза – и резко повернула вправо, жестоко подрезав приближающееся авто... Но что мне было делать? Повезло, никого не задела.

Сквозь пелену дождя донесся характерный стук и звон битого стекла – кому-то повезло меньше – и еще долго ждать ДПС, стоя за красным треугольником и мигая фарами в унисон.

Впереди – еще одна авария – несколько машин превратились в груды металла, и ангелы-хранители беспомощно разводили белоснежными крыльями, мечущимися среди ноябрьской слякоти, не в силах изменить ход событий...

Тут кто-то резко открыл дверь моей съездившей под холодным дождем машинки и схватил за куртку. Не успела я и сообразить, что происходит, как получила удар кулаком – в нос, и набор матерных ругательств – в уши, потом дверь с хрустом захлопнулась. Я машинально нажала на блокировку дверей – поздновато, правда. И уже непонятно, зачем. По всей видимости, сработал инстинкт самосохранения.

Потом только сообразила – это водитель той машины, которую я подрезала... Переведя взгляд в зеркало заднего вида, обнаружила в нем интеллигентного мужчину, при галстукке и костюме, сидевшего неестественно прямо и вцепившегося в руль своего «Volvo», точно утопающий в спасательный круг...

Мир вокруг сходил с ума. Чего уж ждать от моей расшатанной психики? На всякий случай, я вбила номер машины в свой мобильник... Желания подставить другую щеку не возникло. Шок уступал место боли.

Боль сдернула серую дымку, окутывающую сознание, которая, пропав, обнажила безудержное, практически материализовавшееся желание жить. Я вспомнила о муже. Жить!

Но как??? Где взять силы, чтобы справиться с болью и снова улыбаться ему и говорить слова любви, где найти столько тепла, чтобы на холод отвечать солнечными зайчиками улыбок, а за угрюмые взгляды осыпать поцелуями???

Моя душа, словно пустой сосуд, уже отдавшая все, что могла, и не знающая, где искать умиротворения и покоя...

Дождь барабанил по стеклу, сглаживая противоречия и примиряя меня с собственными мыслями... Дворники устало колыхались, отважно сражаясь с косыми линиями разыгравшегося ливня и периодически создавали видимость дороги...

Но дождь подбирался все ближе... И вот он уже заливает душу и прохаживается мягкой поступью по сердцу, не сняв ботинок и оставляя мокрые следы...

Дождь... Косые линии недосказанных фраз, нераспечатанных конвертов, не состоявшихся встреч и не продолженных знакомств... Просто ли это вода? Уверены ли вы, что это не воспоминания, еще до конца не прожитые и не пережитые нами, воспоминания, вплетенные в волосы ароматом лета, вписанные в овал лица, впечатанные в контуры губ и впитавшие нежность рук... Воспоминания, представляющие этот мир таким, каким он – мир – отражается в приглушенном свете ночных фонарей и ярком ксеноне слепящих фар... В опущенных взглядах редких прохожих и открытых и чистых глазах ребенка...

Но мне нужно двигаться дальше, – отбросив мысли на обочину, точно ненужный хлам – дорога диктует свои правила. И я продолжаю свой путь. Вперед. Со сломанными крыльями и ноющей болью в переносице. Перестраиваюсь в соседний ряд. Сваливаюсь на Волоколамку и еду до улицы Свободы.

Мокрый, пронизывающий ноябрьский ветер спутывает волосы, распутывая мысли. Сейчас будет массаж и теплый чай. Веселые разговоры и простое человеческое общение на уютной маленькой кухне. И я наконец-то смогу разглядеть в зеркало последствия дорожного происшествия, произошедшего с моим носом.

Пока – разглядываю рекламу, которая, расплываясь перед глазами и сливаясь с какими-то, выплывающими из подсознания обрывками телевизионной болтовни, превращается в како-

фонию букв, бессмысленный набор слов – отдыхай с Tez-tour, калориям – нет, стройной фигуре – да, Фитакса от Хохланд, встречай каждый день с Имунеле, дульколак легко решает проблемы запора... viola – радость есть! Химии – нет, квасу – да! Проверь Магнат на шоколад... Биг Ланч – соус из мяса... И все будет соса-sola!

Хочется верить, что все действительно будет соса-sola и дульколак в самый ответственный момент не понадобится...

У двери вспоминаю, что забыла номер домофона, и начинаю судорожно рыться в сумке, из которой в почерневший снег тут же выпадают ключи, какие-то рекламные брошюры и переполняющая внутренние карманы мелочь... Наконец-то мне удается докопаться до записной книжки, но и здесь полный раздрай: она исписана вся, ручкой, фломастерами, разноцветными карандашами. Каким-то чудом нахожу нужные цифры, пытаюсь набрать их, но тут звонит телефон...

Мне хочется запустить им в сугроб, лишь бы замолчал. Это Олеся, моя массажистка. Телефон звонит, не переставая, все три этажа, что я поднимаюсь по лестнице. Нажать на сброс уже просто нет сил.

– Привет.

– Привет, я немного опоздала, извини, кругом такие пробки...

– Иди ложись. Нам надо уложиться за час, мой любовник звонил, должен заехать...

– ОК!

– Сейчас, свет зажгу! – Олеся включает свет в коридоре, и тут же выражение ее лица резко меняется:

– Что у тебя с носом???

– Дай гляну! Неужели так плохо? – я смотрю в зеркало и понимаю, что действительно, не очень хорошо... нос распух.

– Нужно приложить лед!

Следующие пятнадцать минут я послушно сижу с кусочками льда на носу и слушаю Оле-сину болтовню.

Наконец-то ложусь на массажный стол и закрываю глаза. Олеся ровными размеренными движениями растирает мне спину. Немного больно, но в целом довольно приятно. Можно расслабиться. Но тут звонит ее племянница. Разговор продолжается минут пять, за которые плечи снова начинают каменеть...

Вспоминаю рекламную брошюру, обещающую за пару сеансов привести спину в порядок. Наверное, я здесь не по адресу.

Олеся наконец-то сказала собеседнице, что у нее «девочка лежит на массаже, а одной рукой его делать не удобно» и отложила трубку в сторону. Через пять минут я уже снова чувствую «relax». Значит, все-таки по адресу...

Но все когда-то кончается, и время, отпущенное на пользу здоровья, истекло. Олеся предложила чаю, и я не отказалась. Я столько слышала про ее любовника, что хотелось его хоть раз увидеть. Я тянула время. Но чашка чая была выпита и все конфеты съедены. Оставалось только сказать «спасибо» и встать из-за стола.

В дверях я столкнулась с ним: высокий, подтянутый, симпатичный. Лет сорок с небольшим. Ничего не скажешь, моя мадам хорошо устроилась...

Я всегда поражалась ее жизнелюбию и открытости. Когда мы познакомились, ей только исполнилось тридцать пять. Ее сын и муж жили в подмосковном Домодедово, а она снимала квартиру в Москве, рядом с работой. Потом я узнала, что съемную квартиру и часть ее расходов оплачивает любовник...

Ему было неохота тащиться с работы ночью на другой конец Москвы, ей хотелось секса и тепла. Которые потом превратились в любовь и перевернули всю жизнь.

А пока Олеся прекрасно совмещала две жизни и безо всяких угрызений совести. «Это – реальность современного мира», – говорила она мне. И он, и она имели семьи и детей, и ни один из них не хотел разрушать старое, чтобы построить новое. К сожалению, не всем дано так философски относиться к измене.

«Нельзя предать человека, который тебя любит» – для меня это утверждение многие годы сознательного существования являлось непреложной истиной. Меня так воспитали, я с этим выросла и теперь я не знала, хорошо это или плохо, и предательство ли вообще.

С одной стороны, конечно, плохо. И церковь считает измену одним из самых сильных грехов и страшных пороков. Наверное, потому что человеку сложно преодолеть соблазн... Но является ли это предательством, когда люди живут так, как им нравится и никому не делают больно? Наслаждаются жизнью, вместо того, чтобы истязать себя самобичеванием и проливать кубометры слез...

За размышлениями я и не заметила, как доехала до работы. Шлагбаум поднялся, я улыбаясь охраннику и проехала на заветное машиноместо под солнцем. Правда, на улице шел не то снег, не то дождь, но для тех, кому приходилось по несколько раз кружить вокруг инспекции в поисках пары свободных метров у обочины, это было именно *место под солнцем*.

Часы показывали девять сорок. На рабочем столе меня ждал ворох судебных решений, исполнительных листов, контрольных писем Управления, жалоб налогоплательщиков на бездействие руководства... Лоток с решениями по выездным и камеральным проверкам уже не мог вместить все принесенное за предыдущий день, и часть этой заведомо проигрышной в суде макулатуры лежала рядом на стуле.

Мой муж, у которого развивался свой бизнес, опасался налоговой проверки и произвола государства. Я, напротив, работая в этой бюрократической, обезличенной структуре боялась за государство.

Я с ужасом думала о том, что если здесь, в Москве, в одной из лучших по показателям Инспекций творится такое, что же происходит вокруг? Как вообще наша страна еще существует? Вывод напрашивался один – только в силу благотворительности, которой занимаются добросовестные налогоплательщики, уплачивая в бюджет налоги. Именно благотворительности, потому что захоти они не платить – ресурсов, которые могли бы заставить их сделать это в законном порядке, в этой, отдельно взятой Инспекции, и, наверное, и в этой стране, практически нет.

Кто здесь работает? Студенты, которым нужно получить высшее образование и базовый опыт работы, чтобы уйти в другие структуры на хорошие зарплаты, молодые девушки, планирующие рождение детей в недалеком будущем, женщины с маленькими детьми, находящиеся по большей части на больничных, и женщины, считающие дни (месяцы, годы) до пенсии... а ещё особый клан людей, одетых в «Гуччи» и «Коп Капоне», приезжающих в Инспекцию на дорогих машинах, типа «Бентли» и весьма скромная группа тех, кто действительно хочет и может себе позволить здесь работать, женщин, которых обеспечивают мужья, или тех, кто читая лекции по выходным, за день получает месячную зарплату государственного служащего...

Есть еще люди, которые могут позволить себе вообще не работать, но не могут разрешить себе уйти и пустить все на самотек... Одна из них – я. Пока. Пока еще стою у черты и думаю, стоит мне ее переступить или нет.

И хотя каждодневное общение с людьми, уровень IQ которых волочится где-то по полу, выматывает нервы и травмирует психику, я продолжаю с завидным упорством приходить в это гиблое место и пытаться что-то изменить... Хотя уже четко осознаю, что это путь в никуда, и поменять что-то мне не под силу... Но я все еще пытаюсь не опускать руки. Наверное, потому, что мне всего лишь двадцать семь. И я все еще верю в справедливость.

Я говорю себе, что я должна. Но здравый ум сопротивляется и спорит... Что и кому должна?

Угробить собственное здоровье во благо страны, которая не вспомнит о тебе, когда будешь покупать дорогие лекарства и отдавать деньги за консультации платных специалистов, потому что профессионалов, работающих в бесплатной медицине ровно столько, сколько и в налоговой системе и шанс попасть к одному из них ничтожно мал?

Срыватьсь вечерами на собственного ребенка за нерасторопность и тупость своих сотрудников? Ругаться с мужем из-за неприготовленного ужина, поскольку работу приходится брать домой и сидеть ночами над актами и решениями?

Что еще я должна? Работать, когда пульс стучит в ушах, когда нижнее давление поднимается выше ста, видя, как государство теряет миллионы, которые могло бы потратить на пенсии и пособия? Конечно, они могли бы исчезнуть на пути к конечному адресату и дальше в цепочке взяток и бюрократии, но они тают уже здесь!

А я все еще кому-то что-то должна...

Трель телефона.

– Совещание у Марии Ивановны в десять ноль-ноль. – Гудки.

На часах без пяти. Я беру со стола блокнот и уныло бреду выслушивать очередные патристические призывы в этом хаосе безответственности, непрофессионализма и равнодушия. Мой непосредственный начальник задерживается.

В просторном кабинете душно. Большинство сидит с угрюмыми лицами в ожидании следующей порции нареканий и ценных указаний. Кто-то демонстративно смеется и шутит, показывая абсолютное равнодушие к происходящему. Я сделала каменное лицо и жду.

– Здравствуйте. Че сидите такие понурые? Знаете свои результаты? Вот, по нам уже в газете прошлись.

Газета эта желтого цвета, что позволяет сделать вывод о том, что называется она «Учет. Налоги. Право».

– Шансы налогоплательщика выиграть дело у ИФНС № X в суде – 89%; суммы, снимаемые по результатам разногласий – 7%; возможность урегулировать вопрос до вынесения решения по результатам выездной проверки – 80%. Как вам такая статистика. Где Абрамов? Почему столько проигрышей в суде?

Поскольку Абрамова нет, то под артобстрел попадаю я. И начинаю перечислять «Причины проигрышей дел в суде» из ежемесячной аналитической записки.

Мне не хочется говорить о том, что Инспекцией каждый день выносятся десятки требований, которые не соответствуют установленной форме и уже только на этом основании могут быть проиграны в суде. Если ежедневно выставляются заведомо незаконные требования и такая ситуация длится годами, – значит это кому-нибудь нужно? И все, сидящие здесь, отлично об этом знают.

Как и о том, что большая часть сотрудников в принципе не понимает, как и что нужно делать, в том числе и сотрудников контрольных отделов. Всю работу тянут 2–3 человека при численности отдела в двадцать единиц... Да и те, кто понимает, приходят в конторы и просят дать нарушения, за определенную сумму, конечно, и пишут такие нарушения, которые являются таковыми только согласно рекомендациям наших вышестоящих органов, но никак не согласно Налогового Кодекса Российской Федерации. Решения, которые впоследствии *должны быть* проиграны в суде.

Но я не хочу устраивать показательных выступлений, просто хочу, чтобы от меня отстали...

К тому же, кому в первую очередь выгодна мутная водица, в которой мы все здесь плаваем, то и дело сталкиваясь носами? В темном омуте легче спрятаться... Если бы *ей* это было

нужно, уже давно бы почистила этот аквариум, выловив сачком тухлую рыбу и запустив здоровую...

Я смотрела на красивых золотых рыбок, которые плавно разводили плавниками в своем просторном водном кондоминиуме, не задевая друг друга. Пара сомиков поддерживали чистоту и порядок в этом рыбьем царстве. По ту сторону стекла царила гармония, по эту – настоящая мышьяная возня, сопровождаемая прерывистым, пронзительным писком.

Отчего-то вспомнилась прошлогодняя отчетность. Позвонили из Министерства и попросили приплюсовать пару миллиардов к выигрышным делам. В Управлении прокатило только около ста миллионов. Правительство отчиталось. По телевизору отрапортовали о хороших результатах. Наверное, так звонили многим...

Я прислушалась к разговору. Перешли к предпроверочному анализу. Оказывается, мы и это завалили. Кто бы сомневался?

– Есть еще у кого что? – усталым голосом вопрошает руководитель. Вернее, уже *начальник*. Руководители теперь только в Управлениях и Министерствах.

Встает Акимов. Нервно поправляет галстук. Вот оно – показательное выступление.

– Теми силами, которые у нас есть, мы не можем сделать предпроверочный анализ. Хотя это очень важная стадия для проведения полноценной проверки. Акты и решения, выносимые в Инспекции – заведомо проигрышные. И здесь мне не понятна позиция наших юристов, которые все это визируют! – камень в мою сторону, потому что акты и решения визирую из всего отдела практически я одна.

«Исходя из того, что мне приносят, у меня есть веские основания не визиловать ничего – но тогда, доначисления будут – 0. И план – похоронен...» – цежу я сквозь зубы. Здесь собрались одни начальники и все всё прекрасно понимают. Как и где пишутся эти решения. И кому это нужно.

Он продолжает.

– Выездников вообще не бывает на рабочих местах. Они постоянно на проверках, хотя должны приезжать и отчитываться о проделанной работе. Никто не отмечается в журнале, никто не контролирует, что и когда они делают...

– Ну, Семеныч, это не твое собачье дело!

Все взгляды устремляются на Молоканина.

– Почему это Вы позволяете себе со мной так разговаривать? – возмутился Акимов.

– Да потому что ты уже всех достал, – не унимался Молоканин.

– Извинитесь, Олег Игоревич! Вы все-таки на совещании.

И воцарилась тишина.

– Ладно, совещание окончено. Идите и займитесь работой, наконец!

В тот же день в коридоре я столкнулась с Акимовым.

– Алиса, все, что я сказал, к вам ни в какой мере не относится. Я отношусь с очень большим к Вам уважением.

Я вспоминаю, как согласилась подвезти его до дома после отмечания защиты кандидатской одного из наших сотрудников, и как он выползал из моего авто, чтобы склониться над газоном в говорящей позе, через каждые пять минут.

Как я выкинула его у метро и еще около часа плутала по ночным улицам, в надежде найти хоть одну знакомую дорогу. Мне становится противно, то ли от воспоминаний, то ли от сказанного на совещании, то ли от его чистоплюйского лукавства. Я даже не знаю, что ему ответить, и молча прохожу мимо.

И мне на самом деле становится плохо. Снова подскочило давление. Да, я визирую эти решения, потому что других здесь не пишут. Да, я работаю с этими людьми, потому что других нет! Пусть хотя бы что-то будет правильно в этом дурдоме! Почему я должна еще и за содер-

жание отвечать? Может, скоро и на проверки буду ходить? На все! Свалить все результаты контрольных мероприятий на одну голову!!! Конечно, она будет раскалываться...

Должна – потому что, к несчастью своему, чувствую ответственность за то, что здесь твориться... А, кто везет, на том и пашут... Пока еще есть силы. А когда упадет, – перешагнут, и пойдут дальше... Но я все еще упрямо тяну свою тележку скинутого в нее мусора, по пути пытаюсь превратить его в конфетки – для ревизии. Бюджет этим уж точно не накормишь.

И сколько элементарных ошибок приходится по несколько раз исправлять. Какие только элементарные правила приходится объяснять, потому что кроме меня никто ничего не объясняет! Людям, которые приходят с желанием работать, просто не у кого учиться. Я уже не в силах делать работу за начальников отделов, которые *просто* ставят свои визы, превращая проверки в перевод бумаги.

Давление 160/120. Я принимаю таблетки и с трудом успеваю добежать до туалета. Меня рвет, и боль немного отпускает. Прямая иллюстрация к высказыванию «тошнит от работы». Вчера читала решения до часа ночи. В шесть встала, чтобы отвезти ребенка в детский сад.

Поднимаюсь на четвертый этаж с твердым намерением написать заявление на увольнение, но просто не успеваю. У меня столпилась очередь. Всем что-то нужно. И всем срочно. По чату скидывают информацию по поводу очередного контроля. В телефонной трубке звенит недовольный голос – «Ваш начальник мне обещал неделю назад...». Голова кружится, но вместо того, чтобы вежливо послать конторку, интересуюсь:

– И о чем Вы договаривались?

– Он обещал нам найти и передать нам судебное дело.

– Как Ваше название? Вы с нами судитесь?

– «Стройрем – ПС». Мы уже отсудились и перешли на учет в другую Инспекцию. Теперь нам нужно провести суммы в лицевых счетах.

– Вы знаете, оригиналы судебных актов в любом случае остаются у нас. Либо мы передаем их в Инспекцию. Вам можем сделать заверенные копии. Завтра сможете забрать.

– А на основании копий нам спишут задолженность?

– Конечно. Подъезжайте.

«Отдать судебное дело? Даже для Абрамова это слишком! – думаю я про себя. В следующий раз на планерке скажут, что юристы торгуют делами. А может, так оно и есть?»

В это время в дверь залетает начальник выездного отдела.

– Алиса, посмотри, пожалуйста. Это нужно сегодня вручить, – у меня на столе появляется шоколадка. А в шкафу – бутылка дорогого вина.

– Постараюсь...

Снова трезвонит телефон. Комиссия по зарплате у Марианны Васильевны.

– Уже бегу!

Вскакиваю и несусь по ступенькам вниз. Вслед за мной бежит вопрос: «А как же мы?», спотыкается на первой же ступеньке и, превращаясь в риторический, догнать меня не успевает.

В коридоре толпятся солидные мужчины в дорогих костюмах – руководители, некоторые в сопровождении ухоженных дам неопределенного возраста – главных бухгалтеров, некоторые дамы прохаживаются в одиночестве – руководству не до какой-то там ИФНС № X!

С трудом протискиваюсь к двери и просачиваюсь в кабинет.

– А где Абрамов?

– В суде, – мрачно выдавливаю из себя, поскольку сама не знаю, где шляется мое непосредственное руководство. Вполне возможно, присматривает очередную квартиру, пока я безуспешно пытаюсь отстаивать порядок и законность...

Руководство Инспекции тоже пытается восстановить справедливость – реализовать программу Правительства по борьбе с «конвертной» зарплатой... Выглядят такие попытки, надо отметить, весьма комично, хотя, несомненно, приносят определенный результат... Не тот, что

нужен для отчетности, и далеко не тот, который мог бы быть, если бы все дружно стали реально показывать белую зарплату, но все-таки результат...

Все эти мужчины в пальто и женщины в шубах перемещаются в тесную душную комнату, где заседает комиссия – заместитель руководителя Инспекции, который и держит пламенную речь, призывающую всех увеличивать зарплату в разы, и еще пять человек – для протокола, группа поддержки.

Из толпы раздаются робкие вопросы:

– А какую нужно сделать зарплату, чтобы больше не попадать сюда?

– Достойную! Нужно показать, ту зарплату, которую платите!

– А кто определяет, какая зарплата является достойной? – громко вопрошает крашеная блондинка с бюстом четвертого размера, кутаясь в шиншилловую шубку и переминаясь с ноги на ногу на высоких каблуках в сапогах от «Mia Donna».

– Госкомстат.

– А где можно эти данные посмотреть? – матерый бухгалтер Зинаида Васильевна, знающая все руководство Инспекции по имени отчеству и дате рождения, не собирается просто так сдаваться.

В толпе начинается шевеление. Все, как по команде, достают свои «паркеры» и готовятся записать дату и название документа, но ответа в этом заседании им не дожидаться – никто из сотрудников Инспекции, ответственных за наставление предприятий на путь истинный в части уплаты ими НДС и ЕСН, и в глаза не видел такого постановления.

Просто должна быть зарплата не меньше пятнадцати тысяч, и точка.

Один из посетителей с ехидной улыбкой вполголоса спрашивает: «А у вас-то у самих какая зарплата?»

Почему-то его вопрос повисает в тишине и звучит громче всех остальных.

Происходящее напоминает «Аншлаг», и было бы очень весело, если бы не так грустно...

Двадцать четыре ноль-ноль. Я снова за рулем. Машина летит по свободному шоссе, упиваясь ночной свежестью и урча, как настоящий советский «Запорожец». Уже третий день с ней что-то не так. Под капотом что-то шумит и хрипит, время от времени переходя в затаенное надрывистое клочкотание. Уже третий день я стараюсь передвигаться медленно, благо вездесущие пробки позволяют не разгоняться, но сейчас дорога «шепчет»: «Дави на газ... Все будет джаз...» Или это играет радио?..

Мне хочется парить над дорогой, и в этот момент мне уже почти все равно, что произойдет...

Около дома все перегородили, вокруг горы бетона, заборы, стройматериалы и красные фонари сигнальных маячков на пути из темноты к теплоте уюту почти налаженного быта.

Я сбрасываю скорость, и через несколько секунд скорость сбрасывает меня – хлопок – и машина останавливается как вкопанная. Спустя мгновение – начинает плавно скатываться под уклон... Резко дергаю ручник. На улице холодно и безлюдно.

Перепрыгивая через бетонные балки, присыпанные хрустящим снегом, последний километр до дома преодолеваю пешком. Оглядываюсь: одиноко и сиротливо грязно-красная машина прижимается к обочине, тщетно пытаясь согреться. Сердце сжимается. Все кончено. Летом умерла моя старая собака – ей было четырнадцать. Я не поехала попрощаться с ним – вечные дела. Только потом – увы, слишком поздно! – я поняла, что потеряла своего самого преданного и верного друга.

Сегодня не стало моей машины. Ей десять, из них, пять – неразлучных – в моих руках. И я отчетливо сознаю, что это конец.

Сколько ни барахтайся, всему отпущен свой срок. А я все плыву против течения, надеясь не быть выброшенной на обочину, хотя весь вопрос в том, многое ли от меня зависит?

Если бы Тот, кто правит балом, хлопнул в ладоши чуть раньше, когда я мчалась по скользкой дороге, купаясь в собственных мечтах и не обращая внимание на предсмертные хрипы АКПП, вернулась бы я домой?

Вхожу в квартиру.

– «Альмера» сломалась.

– Что, совсем?

– Она встала и не едет. Я оставила ее на дороге.

– Нужно вызвать на завтра эвакуатор и – в сервис.

– Может, не стоит уже ее чинить? Это встанет очень дорого.

– А что делать-то с ней? Починим, хоть за какие-то деньги продадим. Шестьдесят тысяч тоже на дороге не валяются.

– И то правда. Мне за них работать месяца четыре, при хорошем раскладе.

– И зачем тебе вообще работать? Занялась бы ребенком, а то все носишься днем и ночью со своими бумажками... Ни на нас с Миленой, ни на себя времени не хватает. Посмотри, на кого ты похожа...

Женя подвел меня к зеркалу. Правда оказалась ужасной: крашенные сосульки волос, распластавшиеся вдоль лица в беспокойном хаосе, черные круги под глазами, раскосые волоски бровей, практически встретившие друг друга на переносице. Плюс ко всему накопленная бессонными ночами усталость покрасневших глаз, и опущенные от бессилия руки.

– Тебе ведь всего двадцать семь. Подумай, может стоит уйти с работы... Я уже забыл, как ты улыбаешься...

На следующий день я написала заявление. Я рыдала, подписывая его у курирующего зама. Рыдала от бессилия, от невозможности что-либо изменить... От того, что подвожу черту под этой частью жизни, кусочек которой я навсегда оставила в этих картонных, сухих стенах.

– Алиса, останься. Я знаю, ты устала. Я и сама много раз хотела уволиться, но оставалась. Ты нужна здесь. Ты знаешь, что и как нужно делать. Давай, будем это делать!

– Нет, я уже не могу остаться. Мы с мужем так решили, – мямлю я сквозь слезы.

«Кровью, как в Метрополитене, – выхода нет!»...

Бессонница, словно пытка, истощает силы, изматывает душу и выхолаживает разум. Я пытаюсь отречься от окружающего, представить себя в храме перед иконой. Окунаю взгляд в пламя свечи, и слезы медленно катятся по щекам. Моя душа закалилась, покрылась слоем грязи, золы и пепла. Она погребена под порывами страстей и невыносимыми, невыполнимыми желаниями. Она погрязла в ненависти, отчаянье, апатии и тоске.

Я не могу уснуть! И хотя бы одна достойная мысль промелькнула в голове! Нет... Только обида, жгучая обида на всех и вся!

Но стоит усилием воли попытаться усмирить разыгравшуюся бурю отчаянья и безразличия, как взгляду открывается истина – мне есть, что терять!

Рядом любимый муж, дочка сопит, уткнувшись носиком в подушку. Есть бумага и ручка – мои лучшие друзья...

Мне все еще есть, что терять, но я с упрямым безумством сокрушаюсь о том, что уже потеряно.

Я ушла с работы, уволилась из Инспекции сразу же после своего дня рождения, не дождавшись пару недель до Нового года и упустив грандиозный Новогодний подарок, приготовленный государством!

Тамошним пройдохам выдают не меньше, чем по полмиллиона рублей. Всем подряд. Закрадываются смутные сомнения, что больше получили как раз те, кто меньше всего этого заслуживал.

Получили не за то, что сделали что-то лучше, а лишь за то, что приходили на работу, курили у входа и разносили сплетни по коридорам. Те, кто уже отчаялся что-либо сделать ушли, и ничего не получили, хотя результаты года добыты их бессонными ночами и днями без отдыха.

Я могла бы получить гораздо больше, чем полмиллиона, – ведь была замом! Но я их не получила. Отработала восемь лет и ушла, не дождавшись две недели. В этом противоречии вся моя жизнь – отдавая слишком много сил, сдаваться, когда уже близка оплата. Вместо нее – расплата...

Ночь. Бессонница... балконная дверь нараспашку. Звезды светят в не зашторенное окно, светят, но не греют... Отчаянное желание понять, как же стоит все-таки жить? Понимание приходит. Оно идеально. Только я реальна. Опутана пороком, словно паутиной. И нет сил больше бороться, – хочется все больше и больше укутываться в темное покрывало, скрывая взгляд от ярких солнечных лучей, не в силах оторвать невидящих глаз от пламени свечи...

Я уже не молю Бога о прощении, потому что сама не в силах себя простить, мне осталось только пасть на колени и рыдать. Навзрыд, взхлеб... Надрываясь, утопая в слезах. Только слез нет. Уже нет даже слез.

Секс. Острое желание сменяет тупая боль. Вспышка света и снова темнота. Растворяясь в нем я снова и снова теряю себя. Меня уже почти нет. Сгусток эмоций, противоречивых амбиций, нереализованных возможностей и растраченной любви.

Дочь доверчиво прижимается к моему плечу. Что-то похожее на нежность, подбирается к сердцу. Но и это его уже не спасает. Оно – лед.

Лед под колесами. На деревьях. В душе. На дворе Рождество. Праздник. Слышно, как ангелы поют на небе. В воздухе витают отголоски небесных песнопений, эхо радостных возгласов, счастливых улыбок.

Холодная, как лед, машина. Руки примерзли к рулю. Одометр показывает три шестерки.

Я лечу по льду. Вспоминаю про права. Роюсь в сумке – и тут дикий холод пробегает по всему телу. Их нет! Роюсь в памяти – нашла. Они дома. Это немного успокаивает, но при виде гаишников бросает в дрожь. Деньги – в карманах *брюк*. На мне – *джинсы*. Без денег и документов скольжу по накатанному полотну... Слава Богу – километраж изменился – 667. Уже спокойнее. Включаю музыку погромче и качусь. В пропасть.

Зажигаю свет. Просто бессонница. Просто был тяжелый день. Просто нужно встать на колени и прочитать молитву. Хотя бы одну. Но это не так просто!

Я выговорила. Отдала все мысли ветру. И теперь моя душа, словно пустой котелок из-под прокисшей похлебки, история болезни с вырванными под корень и разорванными в клочья листьями. Ничего. Абсолютный вакуум внутри. И теперь снова нужно ждать, пока он наполнится слезами и желчью, надеждами и страстями. И ЛЮБОВЬЮ, которая – я верю – спасет меня! Должна спасти. Нас всех.

Господи! Ну почему же я такая несуразная, почему???

Я еду в фитнес. Лето у меня не в подарок. Впрочем, как и зима, и весна и осень. За все уплачено по полной. VIP-карточка в кармане. На новой машине. На мне норковая шуба. Волосы, точно как у Ксении Собчак. Ноги обуты в дизайнерские сапоги. Отчего же так тошно на душе?

Пытаюсь припарковаться, с трудом пробираясь сквозь навороченные «Порши», стильные «Ягуары» и стальные «Хаммеры» и сбрасывая при этом больше калорий, чем за всю предстоящую полуторачасовую тренировку... В связи с чем, на тренировку я решаю не идти...

Вместо тела, предпринимаю отчаянную попытку заняться душой – и еду в церковь, но там я тоже чужая. Мои грехи делают меня чужой. Мои страсти не сгорают даже в пламени свечи.

У входа в храм женщина с детьми просит подвезти их до метро.

– Я только свечку поставлю... Я быстро.

Я иду в церковь, ставлю свечи у иконы Божьей Матери. Выхожу – их нет. В этот самый момент понимаю, что у меня «кризисные» дни и в церковь было нельзя...

Господи, но почему я перестала тебя слышать??? Я уже никого не слышу. Даже себя.

Сажу в машине и бесцельно смотрю вдаль. Сквозь пелену доносится гудок. И еще. Это сигналил водитель припаркованной рядом машины.

– Женщина с детьми уже уехала!

– Спасибо.

Я выхожу из оцепенения и нажимаю на педаль, нарушая ПДД, пересекаю сплошную и мчу домой. У метро чуть не сшибаю новеньким полированным бампером помятую «Газель», выезжающую от бордюра. Матерюсь про себя. Смотрю на стадо машин, копошащихся на дороге около входа в метро, и возникает ощущение, будто я Буратино, который попал в Страну дураков...

Звонит телефон. Маша. Со старой работы.

– Представляешь, Галина Ивановна хочет с моих шестисот тысяч сто пятьдесят себе в карман!

– Отдай и успокойся – я вообще ничего не получила. В этой жизни за все нужно платить, – хорошо, если деньгами...

– Ты думаешь, стоит отдать?

– Конечно!

– Жалко!

– А мне, думаешь, не жалко, – столько корячиться, и ничего не получить! А что делать?

– Ладно, еще позвоню Тане, посоветуюсь... Пока!

В полном ауте продолжаю дорогу до дома – я, конечно, полагала, что такие деньги внесут в жизнь Инспекции еще больше зависти, сплетен и пересуд, но не думала, что дойдет до такого... Впрочем, каждый живет, как может... Я попыталась переключить внимание на дорогу – и вовремя, – прямо посреди проезжей части стояла бабулька и пыталась разобраться в сотовом телефоне, решив, видимо, что проезжая часть – самое подходящее для этого место.

Кое-как объезжаю старушку и слегка задеваю серенький «Hundai»... Путаюсь в кнопках, машина глохнет, коробка блокируется... Молодой человек за рулем пораненного авто помогает справиться с растерянностью и с машиной... Предлагает не терять времени и разъехаться с миром. Мое авто застраховано, а он работает в сервисе, – так что благополучно разъезжаемся. Повезло.

Чтобы попасть домой, мало найти местечко для машинки где-нибудь в радиусе полукилометра от подъезда, нужно еще и нащупать замочную скважину в полутемном коридоре – соседка по площадке экономит электроэнергию и периодически выкручивает лампочки, чтобы лишний раз не разбазаривали энергетические ресурсы государства, отбирающие последние копейки из ее кармана.

С трудом пробираюсь по заваленному тапочками и игрушками коридору, открываю дверь в ванну и забираюсь под душ...

Нужно передохнуть – мне еще предстоит забрать дочку из садика. И только это нежное создание способно превратить такое заурядное дело в ДЕЛО, выматывающее все нервы...

Захожу в сад. Тишина. Уже хорошо. Медленными перебежками, чтобы не встретить заведующую или еще кого-нибудь, кого уже успел за день достать мой ребенок, я стараюсь не замеченной попасть в группу. Дверь закрыта. Кушают. Хорошо, что мой ребенок перестал швыряться едой. Когда ее перестали насильно заставлять есть. Я прекрасно поняла свою дочь. Заставьте меня глотать то, что не нравится, – тоже запущу парочкой продуктов кому-нибудь в физиономию. Хотя мне – двадцать семь. А ей – всего лишь пять. Маленький ребенок, который пытается отстоять свои детские права.

Вспоминаю первые месяцы мучений – крик с шести утра, торопливые сборы, пробки, истерики в саду. После того, как несколько дней она не спала, а носилась по детскому саду с воплями плененных индейцев, меня пригласили в кабинет заведующей.

Я готовилась к предстоящему разговору весь вечер. Милена должна была адаптироваться, она просто обязана ходить в садик! И это было нужно в первую очередь не мне, а ей самой. Я по несколько раз позвонила психологу и невропатологу, выверяя правильность линии своего поведения, сверяя собственные эмоции с научными познаниями в области человеческих взаимоотношений.

И вот я в кабинете. Валерьянка не помогает. Сердце колотится как бешеное. В руках у меня договор – садик, в общем-то, не государственный и достаточно дорогой. Деньги мы вносим исправно. Договорных обязательств не нарушаем. Это придает мне уверенности.

– Боюсь, ваш ребенок не может посещать детский сад, – прямо так, в лоб, начинает Ольга Викторовна.

– Что значит, не может? – я готова подпрыгнуть на стуле.

– Милена очень умненькая, одаренная девочка, но она совершенно не умеет себя вести. Она кричит с утра до вечера. Валяется по полу, когда вы ее приводите. Другие родители жалуются.

– Вы знаете, если бы у меня был спокойный, адекватный ребенок, я бы не стала отдавать по двадцать тысяч в месяц за детский сад! Да и хватает здесь таких детей, как моя Милена!

– Вы правы, детей сложных много. Но такая, как Ваша, – единственная в своем роде! Ей нужно в специализированный садик!

– И какой же это, по Вашему, должен быть садик?

– Такой, где все сотрудники имеют психологическое образование и опыт общения с трудными детьми!

– Не спорю, Милена иногда может вести себя неадекватно, – и очень часто, – думаю уже про себя. – Но ваша задача, как педагогов и воспитателей скорректировать ее поведение. Я общалась с психологом. Моему ребенку *нужно* посещать детский сад. Коррекция поведения возможна только в рамках групповых занятий. Причем, занятий в детском саду, где ребенок учится самостоятельно взаимодействовать с другими людьми. Без помощи мамы или папы, – я получила четкий инструктаж от своего психолога и старалась в разговоре его придерживаться.

– Вы понимаете, Ваша дочь требует очень много внимания. Фактически, воспитатель должен заниматься только с ней. В ущерб другим детям.

– Ольга Викторовна, я, между прочим, предупреждала, что ребенок сложный. Тем не менее, вы ее приняли в сад. Если вы не можете принимать всех детей, устраивайте собеседования, приглашайте психологов или каких-то других специалистов, которые будут производить отбор детей! Вы фактически признаетесь в своей неспособности справиться с ребенком, неспособности, как педагога. Впрочем, договор у меня на руках. Заключен он сроком на год. И этот год ребенок будет ходить в садик. Если нужно, психолог, с которым мы общаемся, может подъехать и дать Вам свои рекомендации относительно того, как выстраивать отношения с моим ребенком, – сердце бешено колотилось, но я не теряла надежды удержать себя в руках.

И еще, я попрошу, чтобы в ее присутствии ваши сотрудники не обвиняли ее в неадекватности и неумении себя вести.

– Такого не может быть!

– Еще как может! У меня очень чуткий ребенок и очень болезненно реагирует на такие разговоры. Так как насчет психолога?

– Думаю, мы постараемся справиться сами. Но Вы должны понимать, что нам очень нелегко.

– За это мы и платим, – я глубоко вздохнула и вышла из кабинета.

Все это время я пыталась мило улыбаться и сохранять самообладание, но нервы были на пределе. Претензии предъявлялись к самому дорогому, самому беззащитному, что у меня было – моему ребенку. И я понимала, что отчасти они оправданы.

Милена даже меня часто выводила из себя. Как она вела себя в саду, я не видела, но когда я приходила, она выбегала из группы и начинала валяться по полу, отчаянно брыкаясь и хаотично размахивая руками, и при этом вопила так, что хотелось зажать уши руками, но не получалось, потому что нужно было ухватить это бьющееся в истерике существо, одеть, вывести из сада и усадить в машину.

И все это на глазах изумленных мам, бабушек и нянь, которых дети встречали объятиями и поцелуями...

Когда я запикивала ее в машину, прохожие оборачивались, а кое-кто и останавливался. Я не обращала на них внимания. Пыталась не обращать. Она отстегивала ремень безопасности и прыгала по всей машине, наполняя салон снегом и грязью, а иногда и вовсе лупила ногами по торпеде, сшибая коробку передач на полном ходу...

И сейчас я ждала в раздевалке свое сокровище, собрав волю в кулак, надеясь на лучшее, но готовясь к худшему.

Дверь приоткрылась и из группы выпорхнула хорошенькая маленькая девочка с зелеными глазками и озорными косичками. Она улыбнулась, чмокнула меня в щеку и... ни с того, ни с сего начала валяться по полу.

В раздевалке никого не было. Я пыталась сохранять спокойствие и разговаривать на отвлеченные темы. Дите лежало на полу и наотрез отказывалось одеваться.

Я кое-как впикивала ее в зимний комбинезон и за шкурку потащила на улицу. Все это сопровождалось жутким криком. Когда мы вышли за ворота сада, я уже дала волю чувствам – хорошенько встряхнула ее и швырнула в сугроб. С размаху. По щекам лились слезы. Наверное, я заслужила это наказание, но сил терпеть уже не было.

Я вспомнила притчу про крест, который дается каждому по его силам. Взяла вырывающийся теплый комочек – который весил уже около восемнадцати килограммов – на руки, прижала к себе и поцеловала. Втолкнула в машину. Заблокировала двери. И стала кричать, – молчать я уже не могла. Терпение кончилось. Осталось отчаянье. И крик. А потом тишина.

Я, стиснув зубы, молила Бога о помощи. Мы выезжали на Волоколамку.

Ребенок превратился в ангела.

– Мапочка, не плачь. Представляешь, меня Гоша пригласил на день рождения.

– Да??? Когда? – я повернулась к дочке, чтобы услышать ответ. Но вместо ответа – услышала стук. Каким-то чудом моментальная реакция моей ноги вдавила педаль тормоза в пол... спустя мгновение я уже смотрела вперед – «девятка» передо мной остановилась с аварийкой.

Милена включила свою «аварийку» и начала истошно вопить...

Я вышла из машины, боясь смотреть, что же там? Первой мыслью было то, что муж снова будет кричать. А я снова буду чувствовать себя дико виноватой. Хотя такое случается со всеми. Время от времени. У меня же приключения постоянно...

Я обреченно взглянула на «девятку», но ничего не разглядела. Впрочем, на улице уже стемнело. Но владелец авто тоже не заметил повреждений. Зато он услышал, как кричала Милена.

– Ну что, разбегаемся? – спросил он.

Я от радости даже не нашлась сразу, что ответить. Последовала пауза.

– Если Вы не против, – я наконец-то догадалась произнести что-то вразумительное после нескольких секунд замешательства.

– Да у меня все в порядке. И у вас вроде тоже. Поаккуратнее с ребенком!

– Спасибо, – я с облегчением вернулась в машину и захлопнула дверь. – И все-таки мир не без добрых людей!

Милена тут же успокоилась, когда узнала, что ДПС ждать не придется. И, как ни в чем не бывало, продолжила прерванный разговор.

– Завтра. В «Стар Гэлекси». Это где «Твой Дом», который и ночью, и днем. Поехали выбирать ему подарок.

– Ты обещаешь, что не будешь плакать и устраивать скандалов? – я смотрела на ангельское личико, и мне очень хотелось верить, что покупка подарка обойдется без эксцессов.

– Да, мамочка. Только не отвози меня домой. Я с тобой хочу.

– Хорошо, но если ты начнешь устраивать сцены, – я отвезу тебя домой и оставлю с бабушкой.

– Ладно.

Мы приехали в «Детский мир». Милене нравились огромные коробки за приличные деньги. Я не могла сейчас себе позволить купить такой подарок и пыталась привлечь внимание дочки к чему-то более земному. Наконец, игрушки были выбраны.

– Мама, а мне мы что-нибудь купим?

– Милена, мы же договорились. Мы выбираем подарок для твоего друга. У нас дома и так полно игрушек.

– Я хочу вот это! – Милена схватила коробку с русалочкой. На коробке сияла надпись – для детей старше одного года.

– Это же для маленьких!

– Нет!!! Я без нее не уйду, – ребенок уже валялся на полу.

Я взяла дочку на руки, и мы вышли из магазина. Ни с чем.

Снова впихнула ее в машину и, словно с сиреной, доехала до дома. Сдала на руки све-крови и быстро сбежала вниз по лестнице. У выхода из подъезда были слышны вопли обиженного ребенка. Мне казалось, я сейчас сойду с ума. О том, что может приключиться на Дне рождения, я старалась не думать.

На следующий день мы с криком выходили из дома. Вырвались из тесного коридора в еще более тесный «предбанник», основательно ударив дверь по соседской двери.

Соседка, которая стояла на вечном посту у своего глазка, незамедлительно выскочила и начала воспитывать моего ребенка. Я знала, что это бесполезно. Молча преодолела еще одну дверь, и мы оказались на лестничной клетке. Вслед послышалось «маленькая дрянь, ты у меня еще увидишь...». Я поняла, что стоит приобрести кляп и воспользоваться им при первом же удобном случае...

Разговор с соседкой состоялся вечером. Она схватила меня за руку и начала кричать. Муж позвонил участковому. Я к этому моменту успокоилась и не хотелось усугублять проблему. Хотя, наверное, зря. Но это было вечером.

А пока мы ехали с дочкой в «Твой Дом» под музыку «Love радио» и весело болтали, словно не было суматошных сборов и разборок.

– Гоше пять лет исполняется?

– Да, как и мне.

– Какие вы уже большие! Вы будете сидеть отдельно, а родители будут отдельно, хорошо?

– Нет, мама! Я тебя никуда не отпущу!

– Милен, ну ты же уже большая... – я попыталась слабо возразить в надежде, что дочь изменит своему минутному настроению.

Но она и не собиралась сдаваться.

– Нет, мамочка. Ты всегда должна быть рядом.

Дети собрались в отдельной комнате, а родители примостились в кафе неподалеку. Милена упорно не отпускала мою руку, глядя мне в глаза испуганными глазенками.

– Я буду здесь рядом. Иди, потанцуй. Смотри, какой веселый дядя.

Клоун уже развлекал малышей какими-то нехитрыми конкурсами. Дети улыбались и смеялись. Пришлось и мне поучаствовать в конкурсах. Вместе с детьми. Наконец они уселись за стол. Я шепнула Милене на ухо, что мне нужно отойти на секундочку. На секундочку она разрешила. Я выскользнула за дверь с твердым намерением больше не оказываться по ту сторону праздника. Присоединилась к родителям.

– Вы что будете, чай или кофе?

– Чай, пожалуйста.

Меня представили остальным гостям. Я как всегда, ни одного имени не запомнила. Хорошо еще, что Гошина мама оказалась моей тезкой, и я могла обратиться к ней по имени.

– Как ваши успехи в плавание?

– Да, никак. Четыре раза сходили и заболели. Да и потом, инструктор ей не понравился – моя дочь сказала, что заниматься будет только с мужчиной...

– У нас примерно тоже самое, только наоборот.

– Ой, а я хожу на стэп, у нас там такой мужчина! – к разговору присоединилась мама Саши. Благо, все посещали один и тот же фитнес клуб, и общих тем для разговора оказалось предостаточно, – такие пляски устраивает! Да и я уже тоже отплясываю, как профессионал.

– А я в тренажерный зал хожу, у меня тоже инструктор ничего! – пытаюсь поддержать игривый тон легкого женского разговора.

– А кто у тебя? – мы уже переходим на «ты».

– Алексей Воробьев.

– Знаю такого, только мне больше нравится Паша Тарасов. Я иногда тоже беру индивидуальные занятия.

К нашему столику подходят еще пары с детьми. Детей быстренько отправляют в детскую комнату, играть с клоуном, а сами начинают оживленно перекидываться друг с другом всевозможными фразами, из чего я делаю вывод о том, что все присутствующие между собой давно и близко знакомы. Я как всегда, сама по себе и сама в себе.

Потом к разговору присоединяется чей-то папаша, который никак не может расстегнуть куртку своей дочери. По виду, ей столько же лет, сколько и Милене. Когда ему наконец-то удается расправиться со всеми молниями и застежками, то молодой человек присоединяется к нам.

– Это Влад, – представляет мне мужчину мама именинника. Остальные, по всей видимости, с ним знакомы. – Мне из-за него девчонки морду били. В школе. Первый раз в жизни. И единственный.

– Вы вместе учились? – я понимаю, что задаю дурацкий вопрос, но как-то нужно поддержать разговор.

– Да, только Влад учился на четыре класса старше меня.

– Между прочим, я тоже из-за тебя дрался. Причем, силы были не равны. Твои одноклассники вчетвером на меня нападали, – он рассмеялся, улыбаясь то ли мне, то ли своей собеседнице. Из всех только мы двое были без своих вторых половинок.

Мне хотелось увести Милену пораньше из дома, чтобы Женя мог спокойно выспаться. Но выспаться ему как всегда не дали... Пока мы с Миленой пытались наладить добрососедские отношения с окружающим миром, ему снова пришлось заняться работой...

Я очень переживала за него. Он тоже устал. Я видела, что ему нужен отдых. Нам обоим нужен был отдых. Я смотрела на собравшихся – и не могла понять, как люди, работая, чтобы оплачивать домработниц, нянь, поваров и бесконечные счета за телефоны и покупки, находят время на посещение фитнес-клуба и кафешек, отпуска и просто свободный полет, в который, судя по разговорам, время от времени отправлялись все.

Меня так и подмывало спросить об этом. На моем лице уже оставили свои несмываемые следы усталость и стресс, хотя я успела уволиться с работы и даже немного заняться собой.

А может, я видела их такими в своем воображении. Может, за фасадами улыбающихся лиц прятались такая же невозможная усталость от непрерывного цейтнота дел и развлечений? Скорее всего, так и было.

Программа с клоуном закончилась, и дети побежали к игровым автоматам. Родители разбрелись по залу.

Милена и Даша весело пытались попасть фонтанчиками воды в отверстия на игровой панели. Они смеялись и дурачились. Я улыбалась во весь рот.

– Алиса, а вы где работаете? – непонятно, с чего вдруг спросил Влад.

– Нигде, – я не понятно отчего рассмеялась.

– А если серьезно?

– Серьезнее не бывает, – мне в лицо ударил целый фонтан брызг, и я захохотала еще громче. Но потом призналась – Была заместителем начальника юридического отдела в налоговой инспекции. Сейчас статейки всякие разные пишу.

– А у меня свой бизнес, – дети шалили, и теперь обдали водой Дашиного папу. – Мне может понадобиться Ваша консультация. Может, оставите телефон?

– Легко. Только я дорого беру. У меня голова светлая.

– Да, покрасили Вас неплохо. Небось, в «Дессанже»?

– Почему Вы так думаете?

– Все там красятся.

Я не успела уточнить, кто такие «все», потому что Милене надоело забавляться с водой и она решила прокатить меня на каком-то паровозике, петляющем вверх-вниз.

Даша потащила своего папашу молотить любопытных, откормленных червячков, которым непременно нужно было выползти из своих норок.

Я подумала, что зря не помыла голову перед выходом из дома. Впрочем, мой муж и так меня любит. И я его люблю. Зачем вообще мыть голову?

Ближе к обеду праздник закончился и мы разъехались по домам. Милена была в восторге. Когда её лицо излучало радость, у меня на душе становилось спокойно и хорошо.

К сожалению, чаще на лицах друг друга мы все – и я, и Женя, и Милена – читали усталость и раздражение, боль и обиду. Обитание в замкнутом пространстве двух маленьких комнат вымотало все нервы. Всем. Хотелось перемен. Хотелось чаще улыбаться и слышать смех. Но все чаще в нашем доме раздавались ругань и крик.

Мы все устали: я – от хождения по замкнутому кругу забот и негативизма Жени и Милены; Женя – от изматывающей работы, превращающей его в комок нервов; Милена – от недостатка общения с мамой и папой, вечно погруженными во взрослые дела и проблемы.

Нужно было что-то делать. Нужно было придумать себе другую жизнь, чтобы в этой жизни любить их такими, какие они есть – кричащими и бьющимися в конвульсиях, орущими и просящими любви.

Я любила их, но, наверное, не умела толком передать свою любовь. Их агрессия отзывалась во мне болью и отчуждением, ответной злостью, обидой и отчаяньем.

Я должна придумать себе такую жизнь, где не будет проблем и забот, и спастись, окунаясь в нее, от повседневности, которая постепенно выжигает все живое в душе, оставляя лишь тупой инстинкт выживания – жить, только потому, что тебе дана жизнь... Хотелось понять, что жизнь – это действительно, Божий Дар. Найти в себе какой-то дар и озарить свою жизнь этим светом, донести его другим людям. Жизнь должна стать прекрасной. Она не может быть настолько безысходной...

Я искренне верила в ЧУДО! Чудо, способное изменить все вокруг, сделать улыбки ярче и распахнуть шире удивленные взгляды.

Я стала снова летать во сне. После зимы всегда наступает весна. И лед тает. Лужи постепенно высыхают. Так, высохнут и слезы... Все-таки, я ведь Алиса в Стране чудес, а не Буратино в Стране дураков...

В ту же ночь мне приснился очень странный и удивительный сон. Сон, родом из далекой юности...

*...А хочешь, научу тебя летать?
И ты поймешь, как это просто,
Все ночи напролет не спать,
Свои желанья доверяя звездам.
Лети со мной, пока не поздно
Земное притяженье рвать,
Но знай, полет – это серьезно:
Не даст он ни раздумать, ни соврать.
Пока в огне не стали пеплом крылья,
Пока не превратилось сердце в лед,
Пока я не сдалась рутине пыльной,
Всю жизнь могу я превратить в полет.
В полет под тенью облаков улыбок,
Где светят солнца радости лучи,
Где можно сделать миллиард ошибок:
Она – всегда поймет, всегда простит...*

Стоило мне опустить голову на подушку, как отчего-то нахлынули воспоминания юности и мягкими волнами захлестнули сознание.

Я очутилась на волшебном Острове. Теплый песок приятно согревал озябшие ступни, свежий соленый воздух щекотал ноздри, безоблачное голубое небо радовало привыкшие к городскому сумраку глаза. Я села на большой коричневый валун и опустила ноги в пену прибрежных волн. Точно попала в кино, где мне отведена главная роль.

Что ж, интересно, что может произойти здесь с главной героиней?..

Все вокруг замерло. Тишина... такое умиротворение и покой, как будто время остановилось и перестало существовать, как будто этот мир был придуман и создан для меня... Вдруг, где-то совсем близко, пролетели две ярко-лимонных бабочки, о чем-то оживленно споря. Я успела расслышать лишь обрывок фразы – «...справится, ведь она тоже умеет летать...».

Я не успела подумать о том, что могу понимать других живых существ, как о мою ногу ударился какой-то гладкий, холодный предмет непонятной обтекаемой формы. Я наклонилась и достала из воды изогнутую бутылку из очень тонкого стекла. Отчего-то пришло в голову, что когда-нибудь с Мужчиной моих детских грез мы откупорим точно такую же бутылку и выпьем на брудершафт. Я с трудом вытащила пробку и обнаружила в сосуде письмо.

«Здравствуй, Алиса! Тебе давно известна дорога на этот остров, но ты отчего-то долго не появлялась... Теперь ты можешь прилетать, когда захочешь. Знай, ты желанная гостья здесь. Но ты еще ни разу не углублялась в лес, не разговаривала с деревьями и не приручала птиц. Здесь все живое, Алиса. Но не все так прекрасно, как ты нарисовала в своих мечтах. Если захочешь, то сможешь здесь остаться. Но захочешь ли ты остаться, узнав, какой он на самом деле, мир в котором я живу? И захочешь ли ты вообще узнать, что это за мир?

Если „да“, то оглянись назад. Видишь стрелку? Иди в том направлении, которое она тебе указывает. И помни, ты можешь проснуться в любой момент,

в любую секунду, когда тебе этого захочется. Но тогда тебе снова придется искать свой путь сюда. И, возможно, ты его никогда уже не найдешь».

Я оглянулась. На огромном дереве белела резко очерченная стрелка молочно-кисельных облаков, конец которой растворялся в воздухе и уходил вглубь Острова. Прямо сказка «Гуси-лебеди» – молочные реки, кисельные берега!

Поднявшись и стряхнув воду с ног, я пошла вдоль берега, присматриваясь к окружающей красоте, неожиданно споткнулась – как будто кто-то подставил подножку, – и растянулась на песчаном побережье.

Рядом с моим ухом перешептывались несколько небольших камешков. Заметив удивленный изучающий взгляд, они поначалу замолкли, но потом самый крупный из них произнес скрипучим голосом:

– Думаешь, тебе стоит туда идти?

Я кивнула.

– Тебя ждет много удивительного и неожиданного, но не всегда приятного. Иногда пугающего. Иногда опасного. Ты уверена, что тебе стоит рисковать?

Я подумала, что это всего лишь сон, – а я всегда была хозяйкой своих снов, – и снова кивнула.

– Это не просто сон, Алиса. Ты можешь не успеть открыть глаза... и тогда исчезнет не только *этот* мир, но и твой мир, который ты оставила, тоже может исчезнуть... Ради чего, Алиса? У него каменное сердце. Когда-то давным-давно злая колдунья «Равнодушие» появилась на этом Острове. Она возненавидела радость, которая здесь царила, и счастье, которое все обитатели Острова дарили друг другу. Она покинула Остров, но увела с собою Любовь и превратила *его* сердце в камень.

– А этот камень умеет разговаривать так же, как и вы?

– Нет. Она заколдовала всех наших братьев, сделала их немыми и глухими. Мы были около самого моря и волны спасли нас от заклятия.

– Я научу его сердце говорить, и ваши братья тоже заговорят, как и раньше! Вы мне поможете? – в память о прошлых счастливых мгновениях мне безотчетно захотелось спасти его.

Камни тихо зашевелились между собой, а потом согласно закивали.

– Мы будем рядом, когда тебе понадобится наша помощь!

Они сказали это и растворились в песке. Я поднялась на ноги, и хотела стряхнуть с себя мелкие, прилипшие к одежде песчинки, когда расслышала тонкие струящиеся голоса, сливающиеся в общий хор. Они жаловались друг другу, что отдают всем обитателям Острова частичку своего тепла, согревая, словно мягкий ковер, их ноги, но никто не замечает и не ценит присутствия таких маленьких созданий. Я зачерпнула горсть песка в руки и стала разговаривать с малютками.

– Привет, меня зовут Алиса! Простите, что я так часто бывала здесь, давно, еще в детстве, и никогда с вами не разговаривала, я просто не знала, что вы умеете говорить и чувствовать... спасибо Вам за то, что здесь так приятно ходить босиком...

Песчинки замерли – с ними здесь еще никто не разговаривал, разве что камни жаловались на чары злой колдуньи. А эта девушка их благодарила... Просто за то, что они есть...

– Алиса, не стряхивай нас! Мы пойдем с тобой. Вдруг тебе понадобится наша помощь.

Я не знала, чем бы они могли помочь, но согласилась и поблагодарила песочные пылинки. Столкнувшись с волшебством, я поняла, что здесь моя стихия, и твердым шагом направилась вглубь Острова.

Тропинка петляла среди деревьев, извилистые корни которых то и дело преграждали путь. И вот прямо посреди тропинки показалось огромное дерево. Его ствол как будто бы был соткан из множества тонких и гибких прутьев, тесно переплетающихся между собой, обра-

зую гигантский, уходящий ввысь столп. Его ярко-зеленые листья умели разговаривать. Один из них слетел мне на ладонь и произнес:

– Возьми любой из этих прутиков и привяжи Того, к кому идешь, к себе навеки.

– Но зачем? Я хочу, чтобы он был свободен в своих желаниях и поступках! – а про себя подумала – это дерево меня явно с кем-то путает!

– Разве ты сюда пришла не для того, чтобы *он* всегда был рядом?

– Я не знаю вообще, как я здесь оказалась! – и это была чистейшая правда.

– Ты отказываешься? Ты уже не любишь его! Если человек любит, он ведь готов на все! Даже продать Колдунье душу, выпить колдовское зелье и приворожить того, без которого жизнь теряет смысл! Разве для тебя результат не главное? Разве не все средства хороши для достижения цели? Зачем же ты вообще тогда сюда пришла? Зачем ты обманываешь меня! Я очень древнее дерево и вижу любую душу насквозь...

– Я не знаю... Правда! Я уже очень давно здесь не была... С тех пор, как повзрослела... А сейчас, мне жутко интересно, что же произойдет дальше?

– Дальше тебе не пройти. Дерево пропускает только тех, кто действительно *любит* – с этими словами лист упорхнул куда-то вглубь раскидистой кроны дерева.

Я подняла глаза, и мне показалось, что листья посмеиваются надо мной. И я могла бы поспорить, что если бы удалось разглядеть их лица, они оказались бы нагловатыми, надменными и пренебрежительно смотрящими сверху вниз на происходящее у корней. Я оглянулась – деревья встали на пути непроходимой стеной, смыкая стволы и переплетая ветви.

«Но разве любовь – это стремление подчинить себе? Ограничить свободу? Привязать к себе – разве *это* – Любовь?» – подумала я. – Да и при чем тут вообще любовь? Неужели мне не пройти дальше? Я его ведь не люблю... Остались только светлые воспоминания... Я словно в компьютерной игре... Наверное, не нужно было столько играть перед сном в «Героя меча и магии» и читать на ночь «Питера Пена». С ума можно сойти!

Но внезапно воспоминания о той любви, что когда-то согревала сердце, переполнили его.

О той любви, которая в мои девятнадцать лет представлялась мне алмазом, составленным из множества граней, каждая из которых неповторимо отличается от любой другой.

Когда человек любит, все грани безжизненного камня одновременно оживают, начиная сиять, искриться и переливаться разнообразием и неповторимостью цветов и красок, поражая окружающий мир теплотой и мягкостью света, так дерзко вторгающегося в его собственную, зачастую безжалостную, резкость...

А свет, иногда сочно-яркий, иногда приглушенно-нежный, минуя все возможные преграды, вырывается, невзирая ни на что, за пределы пространства и времени, невыразимо чистый и красивый.

И как все прекрасное, он, этот свет, не может исчезнуть просто так, он кочует где-то в космосе, от планеты к планете, от галактики к галактике, иногда возвращаясь, чтобы осветить дорогу того, кто сбился с пути...

Мимо, точно два маленьких прелестных созвездия, пролетели две бабочки, однажды уже виденные мною на побережье. Окруженные ореолом крохотных алых сердечек, они резко вспорхнули ввысь и затерялись среди листвы. Спустя пару секунд они появились снова, словно нарисованные ярко-желтым на голубизне неба, спустились вниз и примостились прямо на плечо.

– Там, наверху, есть дупло. Ты сможешь сквозь него пролезть на ту сторону Острова... Держи, когда-нибудь он тебе пригодится, – бабочки опустили мне на ладонь маленький красный мешочек на длинной веревочке, внутри которого прятался флакончик с волшебным эликсиром.

Бабочки скрылись в листве, а я стала карабкаться вверх. Дерево казалось живым – оно извивалось, вырывая ветки из-под ног и подставляя рукам самые острые свои сучья; оно выпус-

кало из своих недр едкую смолу, которая липла к одежде, приклеивая ее к стволу; его листья хлестали по лицу... Оно изо всех своих деревянных сил старалось не дать добраться до заветного дупла.

Я уже сомневалась, правильно ли поняла слова Бабочек, как увидела в стволе широкий проем. Нырнула в него – и оказалась прямо на лужайке с высокой зеленой травой. В отличие от листьев, трава казалась дружелюбной. На голубом небе виднелось всего одно белоснежное облако. Оно ясно указывало путь.

Я шла по шелковой траве, напевая веселые детские песенки. Не успев закончить строчку, я остановилась в изумлении – прямо передо мной с неба спускались две огромные, ширококрылые птицы, сравнимые по красоте разве что с закатом и рассветом.

Перья той, что достигла земли первой, отливали золотом, окружая ее ореолом ослепительного сияния. Другая, переливаясь всеми оттенками красного, от темно-бордового до бледно-розового, светилась будто бы изнутри изумительным приглушенно-сиреневым мерцанием. Их голубые, с синими прожилками, глаза смотрели внимательно, словно сканировали мои мысли и переводили их на свой, птичий язык.

– Тебе не стоит идти дальше. У тебя слишком слабые крылья – ты сможешь подняться вверх, а спуститься уже не сможешь... ведь ты будешь не одна. Твои крылья не выдержат двоих.

Я оглянулась, и не обнаружила у себя за спиной никаких намеков на крылья, но тут же вспомнила, что во сне всегда умела летать, и это не раз меня выручало.

– Спасибо за предупреждение, но мне нужно идти дальше. Может быть, мы еще увидимся... Можно я буду называть тебя Рассвет? – произнесла я, погладив золотистые перья, – А тебя Закат, – я легонько провела рукой по малиновому клюву.

Казалось, птицы были растроганы. Они повидали немало девчонок, пытающихся покорить этот дикий остров, но ни одна из них не придумывала им имена. Они и не заметили, что перед ними уже не девочка... Наверное, во сне ей удалось вернуться в свои девятнадцать...

– Мы поделимся с тобой своими крыльями, когда тебе это будет нужно. – С этими словами они взмыли в небо и исчезли в единственном облаке, указывающем мне путь к сердцу, о котором я грезил, будучи совсем еще ребенком...

Теперь меня разбирало любопытство. А еще какая-то неведомая сила толкала вперед – я должна пройти этот уровень. Просто обязана. «Это покруче, чем „Линэйдж“», – думала я, наслаждаясь душистым ароматом трав и тишиной прозрачного воздуха.

Но неожиданно вдруг почувствовала, как что-то мягкое и прочное стянуло мои руки. Попробовала пошевелить ногами – но они тоже попали в западню. Я ощутила на себе чей-то злобный взгляд. Голос, как будто из другого мира, от которого все тело покрылось мурашками, три раза произнес мое имя. Я ощутила безоглядный, безотчетный страх.

Сначала я увидела глаза – огромные, мрачные, черные глаза. Потом – и всю громоздкую, вселяющую ужас фигуру гигантского Паука. Он двигался прямо на меня.

Песчинки шептали мне на ухо – «Это *его* страх, страх зависеть от кого-то, страх потерять свою свободу, страх любить и быть любимым. Ты должна победить его. Смотри в его глаза, говори с ним».

Но это было не просто, смотреть в эти глаза. В них была такая пустота, что руки и ноги похолодели, а сердце на мгновение остановилось.

– Я не позволю тебе лишиться *его* свободы. Сюда ведь попадают только те, кто договорился с Деревом – хриплым, шуршащим голосом процедил сквозь подобие рта Паук.

– Бабочки подсказали мне, что в Дереве есть дупло. Я прошла сквозь него. Я не хочу *его* лишать чего-то. Я только хочу подарить чуточку счастья, и вернуться в свой мир... Я здесь всего лишь гостья... Это ведь обычный сон...

Пустота потихоньку исчезала. Но Паук произнес:

– Я тебе не верю – и протянул ко мне свою мохнатую лапу.

Но тут подскочили несколько Камней, и налетели на него со всей своей каменной силой. Паутина ослабла, и мне удалось выбраться на свободу. Нет, чего-чего, а опутывать *его* такой паутиной собственной ревности, подозрений и мнительности я не хотела. Даже тогда, давным-давно, когда моя любовь была сродни безумию...

Я одарила Камни своей самой очаровательной улыбкой. И они растаяли в воздухе. До следующего случая, когда могли бы пригодиться.

Пришла в себя я только у входа в каменистую расщелину. Осторожно заглянула внутрь – узкий лаз уходил куда-то вглубь, теряя свои очертания в темноте. Сделала пару шагов – из-под ног выпрыгнули и с грохотом покатались вниз два больших камня. Я продолжала медленно передвигаться, но спуск оказался настолько крутым, что приходилось изо всех сил цепляться за выступы стен, чтобы удержать равновесие.

Впереди забрезжил свет. Я не успела заметить, как оказалась посреди пещеры, стены которой полностью состояли из льда. И не могла понять, откуда струится свет – он шел из самой глубины прозрачно-белых пластин, заставляя лед сверкать и переливаться всеми цветами радуги. Несколько минут я стояла как зачарованная и только потом ощутила жгучий холод. Я не чувствовала ног – казалось, они примерзли к покрытому снежным настом полу.

Внезапно радуга исчезла. Стены стали матово-белыми, и на них четко прорисовалась синяя стрелка, показывающая, куда следует идти. Я пробралась в небольшое отверстие в стене и оказалась в длинном коридоре, в котором царил мягкий полумрак. Приглушенный свет проникал в тоннель откуда-то издалека и наполнял все пространство причудливыми бликами и тенями. На гладких стенах я заметила нечеткие, едва прочерченные надписи.

Сначала я читала их, но потом поняла, что не смогу запомнить всего написанного здесь. Я прислонилась к стене, не зная, куда ведет этот коридор и для чего нужны все эти слова. «Будь счастлив», «Пусть исполнятся все твои заветные мечты», «Пусть на душе всегда царит тепло»...

Наверное, здесь были собраны все слова, которые кто-то когда-то ему желал... Неужели, чтобы выбраться отсюда мне нужно будет придумать что-то новое, и не повториться? Но это невозможно!

И тут я заметила, что от стен идет тепло. Каждая надпись давала свою порцию теплоты – некоторые слова пылали жаром, другие – лишь немного разбавляли холод. Я продолжила свой путь, прижимая ладони к стенам. Вдруг одна из надписей обожгла кончики пальцев. Я одернула руку и пригляделась. Ничего не увидела. Пришлось, обжигая пальцы водить по гладкой поверхности, определяя неровности букв. Прочесть надпись я так и не смогла.

Я шла дальше. Но руки, запомнившие огонь непрочитанной строчки, отказывались что-либо воспринимать.

Вскоре показалась еще одна пещера, подобная той, в которой я успела померзнуть в начале своего пути по Лабиринтам слов. Только стены этой пещеры были сплошь испещрены непонятными знаками. Я оцепенела от холода и растерянности. Внезапно очень захотелось спать, и я уже была готова лечь на снежный пол, как песчинки в волосах дружно зашебетали:

– Алиса, не сдавайся! Это Пещера равнодушия и ты должна его преодолеть! Ты должна определить надпись, которая растопит глыбу льда, закрывающую выход из пещеры, и выбраться наружу! Ты ведь пришла сюда, чтобы растопить *его* сердце!

Хотя я и не знала, зачем здесь очутилась, но раз у мечты моего далекого детства столько проблем – нужно его спасать!

Я с трудом разомкнула слипающиеся веки. Опустила руки на стены – в таком диком холоде все знаки обжигали. В сердцах ударила ладонью по стене, что было силы. Своды пещеры задрожали, и часть пола рухнула вниз, обнажая пустоту. Я постаралась сосредоточиться. Руки все больше немели. Мне показалось, что один из символов дает больше тепла, чем остальные, – я с силой нажала на иероглиф.

На этот раз ледяной пол треснул прямо у моих ног – я едва успела ухватиться за свисающий с потолка сталактит. Сердце бешено колотилось. Пространство вокруг наполнялось пустотой и невозмутимой тишиной. На мгновение душу охватило равнодушие... Но только на мгновение. Еще через мгновение сердце почувствовало, где эти слова, открывающие выход... освобождающие вход...

Я, пытаясь не задумываться ни на секунду, зажмурился глаза, надавила на неясные очертания знаков. И не услышала грохота, и тишина как будто бы стала наполняться живыми звуками. Глыба льда таяла, а песчинки в волосах, смеясь, хлопали в ладоши. На месте непонятных иероглифов появилась до боли знакомая надпись на родном языке: «Доверяй своему сердцу».

Я очнулась на траве около ручья. В нескольких метрах от меня сияла в лучах солнца полурастаявшая глыба льда и, превращаясь в воду, стекала в ручей. И я почувствовала жгучую, жгущую боль в кончиках пальцев. Они покраснели и грозили покрыться волдырями. Я опустила руки в холодный ручей, который, пробиваясь сквозь камни и корни деревьев, где-то за линией горизонта впадал в море.

Боль утихла, и пальцы приняли свой естественный цвет. Согреваясь, я брела вдоль ручья. Вдруг я увидела, что огромный валун перегородил дорогу воде. Прямо перед ним без движения лежали два голубых дельфина. Я подошла ближе. Дельфины были еще живы. Штормом их выбросило на Остров, в озеро, и теперь они не могли попасть обратно в море.

– Я попробую сдвинуть Камень, ручей унесет вас обратно в море, и вы обязательно поправитесь!

– Не дотрагивайся до него! Это заколдованный камень – все живое, дотрагиваясь до него, прилипает и погибает! Мы выбились из сил, пытаясь не задеть его...

Я задумалась. Сердце разрывалось от жалости при виде обессиленных дельфинов. И тут очень кстати я вспомнила про подаренный бабочками волшебный эликсир, раскрыла мешочек, достала из него малюсенький флакончик и вылила на руки его содержимое. С разбега налетела на Камень и сдвинула его. Руки не прилипли. Камень недовольно покашливал и ворчал. Дельфины уплыли в море, взмахнув на прощанье длинными хвостами.

А я шла дальше. Пройдя несколько шагов, заметила небольшое ответвление от ручья, а подойдя поближе, поняла, что это стрелка, которой нужно следовать. Пришлось свернуть в сторону. Ландшафт резко менялся.

Ровная гладь зеленой травы сменилась покрытыми мхом кочками, среди которых то и дело попадались трухлявые пеньки. Почва под ногами ходила ходуном, как будто под тонким слоем поверхности был пласт воды. Ноги проваливались все глубже. Увязнув по пояс в болотной трясине, я замерла. Может, я выбрала неверную дорогу и стоит повернуть обратно? Но Болото затягивало в свои владения...

Когда оно подобралась к горлу, я зажмурила глаза и, задержав дыхание, позволила Болоту забрать себя.

Открыв глаза, я обнаружила, что оказалась в здании, полном людей. Они суетливо сновали взад-вперед, держа в руках папки с документами; разговаривали по мобильным телефонам, как будто пытаясь перекрыть друг друга; решали производственные вопросы с таким остервенением, словно мир рухнет, если дебет не сойдется с кредитом...

Очувтившись в самом центре всей этой возни, я поняла, что люди меня не видят. Я почувствовала себя тенью. Но песчинки шептали на ухо: «Наоборот, ты – живой человек в этом царстве теней! Когда-то они тоже были людьми, но суета поглотила их. Они забыли о любви, о милосердии и о страдании... Их ценности – карьера, деньги, власть. Они всему знают цену, все покупают и продают. *Он* устал от этой суеты, ты должна вытащить *его* отсюда. Для этого ты ненадолго станешь такой же, как они. Посмотри на часы – у тебя осталось полминуты до того, как они тебя увидят».

Я поспешно спряталась под столом в самом дальнем углу обширного офиса. Часы пробили двенадцать раз. Сердце вздрогнуло, как бывает, когда засыпаешь и неожиданно просыпаешься от какого-то непонятного внутреннего толчка. Я огляделась вокруг новыми глазами. На мне был деловой костюм, и под столом я занималась тем, что собирала в папку оброненные бумаги.

– Что у нас тут произошло? – сверху звучал приветливый мужской голос.

Я не спеша выпрямилась. Это был *он*. Я помнила его светлые волосы и глаза. Но он меня явно не узнавал. Вокруг уже толпились люди-тени, пытаюсь разом получить от него ответы на все свои вопросы. Я снова присела и собрала все свои бумаги. *Он* на секунду оказался один, но тут же призывно заверещал телефон. *Он* что-то быстро говорил в трубку. Потом снова его окружили люди.

У меня внутри все клокотало. «Оставьте его в покое!» – закричала я во весь голос. Повисла гробовая тишина. Казалось, все вокруг остановилось, было слышно только, как стрелки часов тикают в тишине. Я воспользовалась всеобщим замешательством, схватила ожившую мечту детства за руку и вытащила из окружающей его толпы. На полу замигали красные стрелки. Я потащила его за собой. Впереди была дверь. Он машинально протянул мне ключи. Я пропустила его вперед и повернула ключ.

Мы стояли так близко друг к другу, что могли слышать стук двух сердец. Они бились в унисон. «Но ведь у теней нет сердца?» – подумала я, – «Значит, мы снова стали людьми?». За дверью царил хаос и шум, и нам нужно было бежать. Я понимала это, но не могла сдвинуться с места. Он осторожно поцеловал меня в щеку и потянул за руку.

Нажал на пульт – за шкафом скрывалась еще одна дверь. Мы оказались в лифте. «Нам нужно наверх» – он нажал семнадцатый этаж. Лифт плавно поплыл вверх, но внезапно замер, проехав всего несколько этажей. Вокруг повисла темнота.

– Они не прощают измены! Они отдали свои сердца в обмен на деньги. Но, только получив богатство и власть, поняли, что это не главное. Они не хотят выпускать нас отсюда.

– Я уже поняла! Нам нужно наверх? Тогда чего мы ждем, полезли! – с ним мне не было страшно. И я слышала, как бьется его сердце. Пусть даже каменное.

Мы выбрались на крышу лифта и полезли вверх по натянутым тросам. Когда мы поднялись на поверхность и я вдохнула свежий воздух, то потеряла сознание. Очнувшись, подумала, что это сон во сне, но рядом лежала записка. «Я буду ждать тебя на вершине Горы».

Я оглянулась по сторонам. «Какой еще Горы»? Кругом росла высокая трава и летали прелестные разноцветные бабочки. Я посмотрела в сторону моря – в туманной дымке, окутывающей горизонт, виднелись обрывистые склоны. По всей видимости, следовало направиться к морю.

Около берега дрейфовала небольшая лодка. Я зашла в воду и оттолкнула ее от берега. Запрыгнула внутрь и стала грести. Прошло довольно много времени, но Гора оставалась все также далеко. Смеркалось. Волны становились все сильнее. Вспышка молнии озарила розовое небо. Хлынул дождь. Море швыряло шлюпку из стороны в сторону. Я оказалась в воде. Последнее впечатление, оставившее отпечаток в сознании – вода была холодной и колючей...

Я пришла в себя у подножия скалы. Волны уgomонились и мирно терлись о подошву Острова. Два дельфина высунули из воды свои умные узкие мордочки. Поблагодарив их, я направилась дальше. Мне не терпелось оказаться рядом с *ним*. Спросить обо всем. И еще стало жутко интересно, как в свои двадцать семь я очутилась здесь, попав лет на десять назад... Казалось, он ничуть не изменился... Я же изменилась сильно...

Ухватившись за один из уступов, я попыталась приподняться над ним, но сил подтянуться не было. Попыталась пройти дальше и найти менее отвесный подъем, но, сколько хватало глаз, основание скалы было абсолютно ровным, и только потом появлялись впадины и

уступы. Гора почти вертикально уходила вверх. Я остановилась и вдруг явственно услышала слова Заката: «...твоих крыльев хватит только, чтобы подняться вверх...».

«Неужели я здесь могу летать?» – я развела руки в стороны и оттолкнулась от земли. Пока я ходила, лазила и разгадывала загадки, мои невидимые крылья отдыхали. И теперь они были полны сил. Я поднималась все выше и выше, сначала быстро, а потом все медленнее – крылья понемногу уставали. Я заметила наверху зеленую площадку.

Крылья уже трепыхались из последних сил, стук сердца отдавался в ушах, и дышать становилось всё труднее. Крылья отказывались меня слушаться. Я успела уцепиться за острый выступ. Подтянулась на руках и оказалась на шелковистой траве. Извилистая тропинка остроконечной стрелкой уходила вверх. Я подумала, что вот он, последний рывок... Поднялась и быстрым шагом пошла по тропинке.

Становилось холодно. Темнело. Звезды светили где-то очень-очень далеко. Я остановилась перевести дыхание на ровной каменистой площадке. На самом краю возвышалось огромное дерево с изумрудными листьями, на которых поблескивали капельки дождя. Звезды, отражаясь в них, становились близкими. В одной из капелек я различила фигуру крылатой лошади. Конь что-то говорил мне, но я его не слышала.

Посмотрела вдаль. Море ластилось к подножию скалы, точно нашалившая кошка, пытается снискать прощение у хозяина. Его поверхность мерцала миллиардами звезд.

Ровная, абсолютно круглая луна бесстрастно наблюдала за происходящим.

...Он обнял меня за плечи. Кратер забурился, потухший вулкан, затерянный в облаках, стремительно оживал. Но мы не замечали грохота падающих камней и ярких вспышек, озаряющих ночное небо. Я видела огонь в его глазах. В них пылала страсть. Его тепло обжигало сильнее, чем ставший до боли горячим воздух. А мне... теперь мне было просто жаль его. До безумия его жаль... Бедный, не видел ничего до сих пор, кроме плана продаж и карты бонусов...

С утра до ночи продавал крутые машины крутым людям. Изо дня в день. Без выходных. И мечтал войти в сотню самых богатых людей мира... Только стоит ли за это платить *такую* цену?

Раскаленная Лава приближалась. Она уже протягивала свою клочущую, кипящую лапу, чтобы накрыть нас с головой...

– Прыгаем! – я первой очнулась ото сна и крепко стиснула его руку своей.

Мы оторвались от земли и полетели вниз. Ветер пытался разделить нас, но *он* не выпускал моей руки. Земля стремительно приближалась. Лава уже достигла подножия горы и отбросила море от берега. Она не растворялась в море, она сжигала его... Но вдруг появились Закат и Рассвет, подхватили нас своими сильными крыльями и унесли на Остров.

Я очнулась на широкой постели. Тело покрывали различные датчики, а на полу валялись черные очки, стекла которых мерцали блестящими микросхемами. Напротив мигал экран монитора. На нем застыла последняя картинка неизвестной игры – угольно-черное небо, пронзаемое яркими оранжевыми вспышками; два человеческих силуэта на спине ширококрылой птицы и надпись «Game over».

Так значит, это была всего лишь игра... Игра в Остров... Который был когда-то для меня всем... Но для чего? Мне захотелось как следует врезать тому, кто это все придумал. Это, без сомнения, был *он*. Он все еще оставался большим ребенком и как всегда отличился умом и сообразительностью. Но мне все равно было жаль его...

Он показался на пороге. Я сидела на постели. Теплый морской воздух врвался в бунгало и заставлял волосы трепетать. Песчинки сыпались на пол и исчезали. Вдруг на пол упало что-то тяжелое. Это был невесть откуда вывалившийся камень. Я хотела взять его в руку и рассмотреть получше, но он закатился под кровать, и я никак не могла его отыскать.

Детская мечта прижала меня к себе. Его сердце билось так, как будто хотело выпрыгнуть из груди. «Как они могли говорить, что у него каменное сердце?» – подумала я, слушая его биение. Но тут же она вспомнила надпись «Game over».

– И зачем ты заставил играть меня в эти игры? – спросила я, как бы невзначай.

– Так было нужно, поверь!

– Не верю!!!

Я побежала к морю по желтому песку. Ноги вязли. Казалось, что песчинки хотят остановить меня. Но желание проучить его было сильнее. Он почти что догнал меня, и мы остановились на краю обрыва.

– Ты прыгнешь за мной? – спросила я, резко обернувшись и, не дожидаясь ответа, сделала шаг, уносящий в пропасть.

Он, не теряя ни секунды, последовал за мной.

Я думала, что у меня вырастут крылья и я полечу, но, видимо, Фея сновидений уже была бессильна. Я камнем летела вниз. Кожа остро ощущала порывы ветра, а уши – приближающийся рокот волн... Вдруг он схватил меня за руку и потянул за собой... наверх. У него выросли крылья. Я не видела их, но чувствовала, как трепещет воздух под их широкими взмахами, унося ввысь...

Казалось, он спас меня. На самом деле, – это я его спасла – у него выросли крылья. И я навсегда попрощалась со своим детством – теперь он и сам научился летать, а мне не терпелось вернуться домой. Но я никак не могла проснуться. Когда наконец-то показался выход в реальность, солнце уже светило в окно и начинался новый день.

Мне очень хотелось обнять мужа и дочку. Но жизнь, как всегда, внесла свои коррективы.

2008. Зима

Солнце скрылось под натиском тяжелых облаков где-то высоко в небе. Серый сырой воздух пронзал легкие. Белые хлопья снега растворялись в двухмерном пространстве района однообразных прямоугольных домов и грязных плоских крыш. Мне в глаза смотрели окна, за каждым из которых прятались несбывшиеся надежды и нереализованные желания... Ветер играл голыми ветвями деревьев, судьба испытывала нервы на прочность...

Хотелось кричать, но я пыталась сдержать этот крик, и горло разрывалось от невыносимого наплыва слов, упрятанных в сердце.

Я нарезала ровными аккуратными кубиками морковь в «Оливье» и медленно сходила с ума в замкнутом пространстве девятиметровой кухни. В ухо пытался докричаться озверевший телевизор, который показывал сплошные сцены преступлений и наказаний... Настал «Час суда» и какой-то мужчина убеждал этот самый суд, что не протыкал шампуром другого молодого человека, приревновав его к своей девушке...

Я решила найти что-то более оптимистичное... Причина смерти – пулевое ранение в голову... А у него были враги?.. Может, кто-то боялся, кто-то угрожал ему?.. Чтобы быть в Тонусе, нужно, чтобы Тонус был в тебе... Он скончался еще до приезда скорой... в этот вечер они были за городом: нападение на инкассаторов... когда кажется, что бизнес летит под откос, Вы остаетесь спокойным... трагический итог прошлой ночи...

Я нажала на красную кнопку. Экран вспыхнул на прощание, озарив очередную попытку грабежа, и поник...

Я закончила резать салат и стала собирать вещи на дачу. Положила в сумку нож, не подозревая, что через каких-то двенадцать часов он окажется прижатым к моему боку... Моим же собственным мужем...

Близился праздник всех мужчин и всеобщего пьянства...

В два часа дня, когда мы с дочкой наконец-то добрались до дачного домика, Женя уже еле держался на ногах... Бессвязно бормотал чушь, пошатываясь и безуспешно пытаясь сохранить утерянное равновесие.

К горлу подступала тошнота. Я пыталась поздравить его, но, казалось, он уже ничего не видел вокруг себя. Подхватил дочку и потащил к соседям. Он уехал раньше, чтобы протопить дом. Дом встречал холодом. Сердце постепенно покрывалось инеем.

Мне так хотелось посидеть втроем. Втроем! Я, он и дочка. Он отнес ее в полупьяную компанию. И точка.

Я попросила растопить печь. Не оказалось ни дров, ни зажигалки, ни желания.

– Я же сбросила тебе несколько sms-ок, попросила, чтобы ты не напивался! – с отчаянием в голосе крикнула я. – Пьянь! – бросила в сердцах, словно камнем в лицо.

В руках был тот самый ножик. Я перерезала веревки на новых валенках, чтобы муж надел их на ноги. Хотя прекрасно знала, куда могут привести благие намерения...

– А когда мне еще напиться! Ты хоть помнишь, какой сегодня день! Сегодня праздник! Все веселятся, а я что, чмо какое-то! *Человек, который* зарабатывает деньги? А я ЧЕЛОВЕК! Когда мне дадут отдохнуть по-человечески! Все – люди, а я почему не могу расслабиться?

Милена беспомощно металась между нами, не понимая своим детским, невинным разумом, что происходит...

– Где мои сигареты? Просил же тебя привезти две пачки! – он орал так, что сердце постепенно превращалось в лед. Он орал, забыв напрочь, что уже отнес их к соседям. – Где они? Или мне уже и покурить нельзя? – он озверело поливал меня трехэтажным матом.

Милена сжалась в комочек. В комочек сжалось мое сердце.

– Одень валенки. Холодно. Не знаю я, где твои сигареты, – я старалась говорить как можно спокойнее, все сильнее сжимая нож в руках. В груди клокотало. – Я пойду, отнесу нож.

– Я тебя сейчас им проткну – в его голосе сквозило бешенство.

Я отдала ему нож. Он прижал меня к двери, и холодное лезвие коснулось живота. Я молчала. Если бы не испуганные глазенки дочери, то непременно ляпнула бы что-нибудь, чтобы он на *самом деле* сделал то, что сказал. Мне было жалко её. Не себя.

Он отпустил меня, швырнул нож. Это был уже не мой муж. Пьяная скотина с помутневшим разумом.

– Что ты делаешь?! – не выдержала я. – При ребенке!!! Сволочь!

– Хватит меня шантажировать ребёнком. Всё. Хватит с меня праздника. Я уеду! – он пошел к выходу.

– Папа! – беспомощно пролепетала Милена.

– Женя! – я попыталась его остановить, но он оттолкнул меня с такой силой, что я отлетела к противоположной стене и от неожиданности не могла уже произнести ни слова.

– Мама! – дочь метнулась ко мне.

Он уехал. Милена слонялась по комнате и спрашивала, когда вернется папа.

– Не знаю, дочка! – я боялась, что он может уже никогда не вернуться... Он и так никогда не умел ездить спокойно, хаотичными рывками передвигаясь по трассе, слепя встречные машины дальним светом...

Сейчас он был просто невменяем. Я боялась за него и боялась за себя. Боялась, что простить снова просто не хватит сил. Боялась ему звонить. Боялась пошевелиться. А нужно было успокоить ребенка. Успокоить и накормить.

Слезы капали в тарелку. В тот момент я готова была его убить. Я поняла тех, кого показывают по телевизору в программе «Час суда» и «Криминальные новости». Но у меня была дочь. Это помогало сохранять самообладание. Хотя бы внешне.

Он вернулся и лег. Через мгновение по всему дому разнесся храп. Я почувствовала облегчение. Мы вышли на морозный воздух. Холод успокаивал. Я взяла дочь за руку. Ручонка дрожала мелкой дрожью. Не от холода. Я обняла ее и прижала к себе. Я выдержу. Всё выдержу. Но выдержит ли моя любовь???

На следующее утро мы попытались поговорить. Он вел себя так, как будто ничего не произошло. Это задевало даже больше, чем то, что произошло.

– Ты хоть понимаешь, насколько ты меня обидел?

– Пока нет, – он улыбался. А мое сердце разрывалось на сотни маленьких сердечек.

Я вспомнила, как Милена жала кулачок и спросила, знаю ли я, какого размера ее сердечко. «Такого, как твой кулачок». «Правильно». Вспомнила, как она дрожала после всей этой сцены. Меня начинало колотить. Я попыталась сказать, насколько мне больно, но вместо этого из горла вырвался лишь сжатый всхлип.

Воздуха не хватало. Главное было – дышать. Но мне нужно было столько всего сказать! Я пыталась говорить, судорожно глотая воздух, но вырывались лишь обрывки фраз.

Словно рыба, выброшенная на мель. Но только теперь я поняла, что должна жить. Жить дальше. И снова нырнула в море.

– Зачем ты уехал? Ты ведь мог разбиться?

– Я и хотел разбиться... может, хоть тогда ты наконец-то поймешь, что я прав.

– В чем прав??? У тебя ребенок!!! И это не шантаж. Это твой ребенок! Подумай о ней, когда в очередной раз захочешь совершить глупость. Хотя... В таком состоянии, как ты был думать, наверное, сложно... И не обольщайся – я ни на скосок не почувствовала бы своей вины, если бы ты разбился – потому что я не виновата! Ты уже большой мальчик и в состоянии сам отвечать за свои поступки. Как ты мог меня ударить? – я еле успевала набирать воздух в легкие. Он молниеносно куда-то испарялся, и я снова задыхалась.

– Не держи зверя! Я хотел уехать, ты стала меня останавливать. Я оборонялся!

– Самому не смешно? Оборонялся! Ты превращаешься в зверя и тебе все меньше для этого надо выпить! Я не знаю, как мне дальше жить! Я просто не хочу жить дальше! – и это была чистейшая правда. Он унизил меня. На глазах у собственного ребенка. Мне тоже жутко хотелось что-нибудь сделать с собой, чтобы он наконец-то понял, *насколько* мне больно. Но я понимала, что это глупо. И у меня есть дочь. Я ей нужна.

– Сегодня я напьюсь и буду гонять на машине! – я попыталась улыбнуться, но все еще не могла простить.

Слово свое я сдержала наполовину – напилась, но за руль не села. Сквозь тучи временами проглядывало солнце.

Мой ангел-хранитель насколько мог, пытался заслонять меня от проблем своими белоснежными крыльями, потрепанными в схватках за мою душу.

Жизнь вернулась в привычный круг забот... Пытаясь разнообразить свое существование, я зашла на «odnoklassniki.ru». Бессмысленный треп на «одноклассниках» на какое-то время стал смыслом жизни... Я включала компьютер и возвращалась на годы назад...

Интересно было узнать, что же за это время произошло... Бывшие одноклассники по школе, колледжу и институту находились как-то сами собой. Стандартные вопросы сменялись стандартными ответами, – становилось скучно...

Все девчонки вели одинаковое, однообразное существование, с той лишь разницей, что те, кто успел выскочить замуж, разрывались между домом и работой, те же, кому выпало счастье брести по жизни в одиночку, пока еще этого счастья не осознали и ходили на бесчисленные курсы, тусовки, танцы и вечеринки в попытках найти себе спутника.

Откуда-то из закоулков сознания выплыло имя и фамилия – Поздняков Дмитрий. Ввела поиск. Нашелся. Нашелся мальчик, в которого я была влюблена тринадцать лет назад... первая детская чистая наивная любовь... Безрассудная, не задающая вопросов, но постоянно пытающаяся найти ответы, объясняющие смысл жизни и находящие его в такой вот не рассуждающей, бескорыстной любви.

Передо мной мелькали картинки его жизни – дочка (прелесть), квартира, красивая спортивная машина. Встреть я его где-нибудь на улице – ни за что бы не узнала!

Я написала ему, сомневаясь, что он меня вспомнит... ведь это я была влюблена, он был старше и исчез из моей жизни так же внезапно, как и появился в ней...

Мне было четырнадцать... Когда наступало лето, начиналась *жизнь*! Мы жгли костер, который казалось, доставал до неба и обжигал ветви деревьев... Сердце обжигал его взгляд.

Он был старше, ему уже исполнилось семнадцать. Мы катались на мотоцикле, ночью – и это было для меня ожившим воплощением сказки. В темноте, без шлемов, тесно прижавшись друг к другу и слившись со скоростью и ветром, мы носились по загородным дорогам...

Пили вино и пекли в остывающих углях картошку, которую копали здесь же, на поле. Он обнимал меня. Мы целовались, спрятавшись от всех, в тени деревьев, в сумраке ночи – и я понимала, что вот оно – счастье – и я держу его в руках!

А потом он пропал. Перестал приезжать. Я безумно переживала, спрашивала у его друзей. Один из них, который сам не прочь был за мной приударить, сказал, что у Димы в деревне девушка. Для меня это был первый шок в моей четырнадцатилетней жизни...

Уехав в Москву, я не могла его забыть. Любовь переполняла меня, хотелось поведать о ней всему свету, казалось, это навсегда.

Я написала на стене Мира на Старом Арбате признание в любви огромными буквами, зеленой краской, потому что другой не нашлось, искренне полагая, что она для того и существует, чтобы люди могли на каменной поверхности оставлять свои послания, в надежде, что их услышат...

Оказалось, что все не совсем так, – нас с подругой забрали в милицию... было очень стыдно и очень не хотелось, чтобы родители узнали об этом происшествии. Мы в унисон заревели – и нас отпустили!

Потом были приветы по радио «Максимум» и «Русскому радио». Я наклеивала на письма лепестки роз, складывая их в слова, вырезала названия песен из фольги, раскрашивала конверты в безумные цвета... Мои письма читали, в программах по заявкам звучали слова моей любви...

«Мы гуляли так долго, и вот заблудились в раю» – под эту песню мы носились по ночному Подмоскovie... Я заблудилась в собственных чувствах... Долгих три года я не могла забыть его, а приезжая на дачу, всё ждала – быть может, он вернется!

Он не возвращался... Я мечтала о том, что когда-нибудь, когда я стану взрослой, мы встретимся – и он поймет, что потерял...

И теперь, стуча по клавиатуре спустя тринадцать лет, я не знала, вспомнит ли он меня... Мне очень хотелось узнать, почему тогда он вот так исчез! Что произошло?

Он ответил. Все оказалось банально и просто. Он и не догадывался, что произвел на меня какое-то впечатление! А еще «парням в семнадцать лет нужны не только поцелуи... а ты была еще совсем маленькой девочкой»...

А еще, что я совсем не изменилась и если бы не дочка рядом со мной на фото, он подумал бы, что она сделана тогда... Он меня узнал – это радовало! Теперь я могла осуществить свою детскую мечту – встретиться с ним... Только зачем???

Я заходила на сайт и ждала новых писем. Они появлялись. Вместе с ними появлялись фотографии людей, растворившихся в моем прошлом, оставивших след в моей душе...

Толя Михайлов, которому принадлежало мое сердце в период с восемнадцати до двадцати, теперь в третий раз разводился...

Тогда он представлялся мне олицетворением успеха и стиля, теперь же – с экрана монитора смотрел усталый мужчина в весьма посредственном интерьере, позволявшем сделать вывод о том, что карьера его не заладилась...

Лихие девяностые прошли, шальные деньги просочились сквозь пальцы... Он приезжал на черном джипе в элегантном костюме и казался мне таким взрослым в свои двадцать семь. Теперь мне самой стукнуло двадцать семь...

Моя первая *серьезная* любовь... Он был старше меня на девять лет... Я мечтала выйти за него замуж. О том, что он уже женат, причем не первый раз, я узнала не от него... Узнала и простила. За что я его так любила? Наверное, всё-таки, не за что, а несмотря на...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.